Пьеръ Гійльяръ
наставникъ Наслѣдника-Цесаревича
Алексѣя Николаевича.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА РОССІЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ.

Екатеринбургское злодѣяніе.—Государь и Царская Семья наканунѣ революціи.—Отреченіе и Царскосельское заточеніе.—Ссылка въ Сибирь и тревожные дни въ Тобольскѣ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/tragicheskaiasud00gill

Пьеръ Гильяръ
наставникъ Наслѣдника-Цесаревича
Алексѣя Николаевича.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА РОССІЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ.

I. Екатеринбургское злодѣяніе.

II. Государь и Царская Семья наканунѣ революціи.

III. Отреченіе и Царскосельское заточеніе.

IV. Ссылка въ Сибирь и тревожные дни въ Тобольскѣ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921.

ГЛАВА I.

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЛОДѢЯНІЕ.

Наступило время обнародовать со всѣми подробностями и во всей его гнусности страшное Екатеринбургское злодѣяніе. Необходимо представить широкимъ кругамъ общества всѣ данныя, которыхъ ему недостаетъ для того, чтобы составить сужденіе съ полнымъ знаніемъ дѣла и вывести твердое убѣжденіе относительно событій, эпилогомъ которыхъ была трагическая ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года.

Молчаніе, которое мы на себя наложили въ виду производившагося слѣдствія*), было широко использовано и самими виновниками преступленія, и низкопробной прессой, которая окончательно сбила съ толку общественное мнѣніе. Пора знающимъ истину сказать ее; это ихъ долгъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ.

Оставляя намѣренно въ сторонѣ вопросъ о виновникахъ, я хочу описать здѣсь событія, къ которымъ я лично имѣлъ отношеніе по прибытіи въ Екатеринбургъ и изложить обстоятельства преступнаго дѣянія, какъ они установлены были разслѣдованіемъ.

Въ послѣдующихъ главахъ я постараюсь, перомъ и изображеніями, вызвать къ жизни образы тѣхъ, кого мнѣ дано было знать въ теченіе столькихъ лѣтъ въ тѣсномъ семейномъ кругу.

ПРЕДѢЛЬНЫЙ ЭТАПЪ.

Первые пять мѣсяцевъ послѣ мартовской революціи 1917 года Императорская Семья провела въ Царскомъ Селѣ. Въ августѣ того же года Государь, Государыня и ихъ пятеро Дѣтей: Цесаревичъ, въ возрастѣ тринадцати лѣтъ, его четыре сестры: Ольга (двадцати-двухъ лѣтъ), Татіана (двадцати лѣтъ), Марія (восемнадцати лѣтъ) и Анастасія (шестнадцати лѣтъ), были перевезены въ Тобольскъ съ нѣсколькими лицами свиты и довольно большимъ числомъ слугъ.

Когда въ апрѣлѣ 1918 года комиссаръ Яковлевъ былъ присланъ изъ Москвы въ Тобольскъ, чтобы подвергнуть новому перемѣщенію Государя и Царскую семью, Цесаревичъ былъ серьезно боленъ, и состояніе его не давало возможности заставить его перенести трудности пути. Было, поэтому, рѣшено, что онъ останется въ Тобольскѣ съ тремя своими сестрами и что за ними будетъ прислано впослѣдствіи.

26-го апрѣля Государь, Государыня и третья ихъ Дочь Великая Княжна Марія, сопровождаемые гофмейстромъ княземъ Долгорукимъ, докторомъ Боткинымъ и тремя слугами—Терентіемъ Чемадуровымъ (камердинеромъ Государя), Анной Демидовой (камеристкой Государыни) и Иваномъ Седневымъ (выѣзднымъ лакеемъ Великихъ Княженъ), были увезены комиссаромъ Яковлевымъ. Они доѣхали лошадьми до городка Тюмени (ближайшая къ Тобольску желѣзно-дорожная станція) и 30-го апрѣля прибыли въ Екатеринбургъ. За исключеніемъ князя Долгорукаго, отведеннаго тотчасъ же въ тюрьму, они всѣ были въ тотъ же день заключены въ домѣ нѣкоего Ипатьева, богатаго екатеринбургскаго купца.

Черезъ три недѣли Цесаревичъ и его три сестры Ольга, Татіана и Анастасія въ свою очередь покинули Тобольскъ подъ надзоромъ комиссаровъ Хохрякова и Родіонова. Въ эту вторую партію, въ которой былъ и я, входили

*) По взятіи Екатеринбурга антибольшевистскими войсками было тотчасъ же начато мѣстными властями судебное слѣдствіе. Оно было затѣмъ продолжено правительствомъ Колчака.

почти всѣ, кто оставался въ Тобольскѣ послѣ отъѣзда Государя; я назову только тѣхъ, кто будетъ появляться въ дальнѣйшемъ разсказѣ: генералъ-адъютантъ Государя Татищевъ, фрейлины Государыни баронесса Буксгевденъ и графиня Гендрикова, лектриса M-lle Шнейдеръ, хирургъ при особѣ Алексѣя Николаевича д-ръ Деревенко, мой коллега мистеръ Джибсъ и др.

22-го мая мы прибыли въ Тюмень и тотчасъ же подъ сильнымъ конвоемъ доставлены были на спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ отвезти насъ въ Екатеринбургъ. Я собирался устроиться вмѣстѣ съ моимъ воспитанникомъ, но меня грубо оторвали отъ него и посадили въ вагонъ четвертаго класса, какъ и всѣхъ, подъ охраной часовыхъ. Ночью мы прибыли въ Екатеринбургъ. Насъ остановили въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ вокзала.

Утромъ къ 9 часамъ нѣсколько извозчичьихъ пролетокъ выстроились вдоль нашего поѣзда, и я увидѣлъ четырехъ субъектовъ, направившихся къ вагону Дѣтей.

Нѣсколько минутъ спустя дядька Алексѣя Николаевича матросъ Нагорный пронесъ на рукахъ Цесаревича мимо моихъ оконъ; за нимъ шли Великія Княжны, съ чемоданами и пакетами въ рукахъ. Я хотѣлъ выйти, но часовой грубо втолкнулъ меня обратно въ вагонъ. Я вернулся къ окну: Татіана Николаевна шла сзади, неся на рукахъ свою любимую собаку и съ трудомъ таща тяжелый коричневый чемоданъ. Шелъ дождь, и я видѣлъ, какъ она на каждомъ шагу проваливалась въ грязь. Нагорный хотѣлъ подойти ей помочь; одинъ изъ комиссаровъ рѣзко оттолкнулъ его... Черезъ нѣсколько минутъ пролетки удалились, увозя дѣтей въ направленіи города.

Какъ я былъ тогда далекъ отъ мысли, что я больше не увижу тѣхъ, съ которыми я провелъ столько лѣтъ! Я былъ убѣжденъ, что за нами придутъ, и что мы не замедлимъ присоединиться къ нимъ. Между тѣмъ часы проходили. Нашъ поѣздъ былъ поданъ къ вокзалу. Я видѣлъ, какъ прошли генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова и M-lle Шнейдеръ, которыхъ уводили. Затѣмъ наступила очередь камердинера Императрицы Волкова, повара Харитонова, лакея Трупа и маленькаго Седнева, четырнадцати-лѣтняго поваренка.

За исключеніемъ Волкова, которому удалось бѣжать, и маленькаго Седнева, который былъ пощаженъ, никому изъ тѣхъ, кто былъ уведенъ въ тотъ день, не пришлось выйти живымъ изъ рукъ большевиковъ.

Мы продолжали ждать. Что происходитъ? Почему не приходятъ за нами? Мы дѣлали всякія предположенія, когда наконецъ къ 5 часамъ вечера вошелъ въ вагонъ комиссаръ Родіоновъ, который пріѣзжалъ за нами въ Тобольскъ, и заявилъ, что въ насъ больше не нуждаются, и что мы свободны»! Свободны! Какъ, насъ разлучили съ ними! Значитъ все кончено! Глубокое отчаяніе смѣнило напряженное состояніе, въ которомъ мы находились все время до этого. Что дѣлать? Что предпринять? Мы были совершенно подавлены.

Я до сихъ поръ не могу понять, чѣмъ руководились большевистскіе комиссары въ этомъ выборѣ, который сохранилъ намъ жизнь. Почему посажена въ тюрьму графиня Гендрикова, и оставлена на свободѣ баронесса Буксгевденъ, такая же какъ и она фрейлина Государыни? Почему они, а не мы? Можетъ быть перепутали имена или званія? Тайна!

На другой и въ слѣдующіе дни я съ моимъ коллегой ходилъ къ англійскому и шведскому консуламъ, такъ какъ французскаго не было. Нужно было попытаться во что бы то ни стало сдѣлать что-нибудь, чтобы помочь заключеннымъ. Оба консула насъ успокоили, сказавши что шаги уже предприняты и что они не думаютъ, чтобы грозила опасность*).

*) Я считаю долгомъ отдать должное мужественному поведенію англійскаго консула мистера Престона, который не боялся вступать въ открытую борьбу съ большевистскими властями, рискуя собственной безопасностью.

Я прошелъ мимо дома Ипатьева, верхи оконъ котораго виднѣлись надъ глухимъ дощатымъ заборомъ, дѣлавшимъ изъ него острогъ. Я не потерялъ надежды попасть туда, такъ какъ докторъ Деревенко, которому разрѣшено было посѣщать Цесаревича, слышалъ, какъ докторъ Боткинъ отъ имени Государя просилъ комиссара Авдіева, коменданта охраны, чтобы мнѣ позволено было присоединиться къ нимъ. Авдіевъ отвѣтилъ, что будетъ посланъ запросъ въ Москву. Въ ожиданіи отвѣта мы съ моими спутниками, кромѣ нашедшаго въ городѣ квартиру доктора Деревенко, расположились въ вагонѣ четвертаго класса, въ которомъ мы пріѣхали. Намъ пришлось оставаться въ немъ болѣе мѣсяца!

26-го намъ былъ объявленъ приказъ немедленно покинуть Пермскую губернію, въ составъ которой входитъ Екатеринбургъ, и возвратиться въ Тобольскъ. Намъ предусмотрительно былъ выданъ общій на всѣхъ документъ, чтобы мы оставались въ одной группѣ, что облегчало надзоръ. Но поѣзда не ходили, такъ какъ антибольшевистскія добровольческія и чешскія войска быстро продвигались, и линія была занята исключительно военными эшелонами, спѣшно отправляемыми на Тюмень. Это дало намъ передышку.

Проходя однажды съ докторомъ Деревенко и съ моимъ коллегой мистеромъ Джибсомъ мимо дома Ипатьева, мы увидѣли двѣ пролетки, окруженныя большимъ числомъ красногвардейцевъ. Каково было наше волненіе, когда мы узнали выѣзднаго Великихъ Княженъ Седнева, сидящаго между двухъ караульныхъ. Ко второй пролеткѣ подходилъ Нагорный. Опершись на крыло, онъ ступилъ на подножку, и поднявъ голову, увидѣлъ насъ троихъ, неподвижно стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ пристально посмотрѣлъ на насъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, затѣмъ, не выдавая насъ ни однимъ жестомъ, усѣлся въ свою очередь. Пролетки покатились, и мы видѣли, какъ они направились къ тюрьмѣ. Оба эти честныхъ молодца были вскорѣ разстрѣляны: вся ихъ вина заключалась въ томъ, что они не сумѣли скрыть негодованія, когда большевистскіе комиссары присвоили золотую цѣпочку, на которой привѣшены были образки въ изголовьи больного Алексѣя Николаевича.

Прошло еще нѣсколько дней, и я узналъ черезъ доктора Деревенко, что ходатайство доктора Боткина обо мнѣ отклонено. 3-го іюня нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ поѣзду съ бѣженцами, и мы были отвезены въ Тюмень, куда прибыли 15-го послѣ ряда всякихъ приключеній. Нѣсколько часовъ спустя я былъ арестованъ въ большевистскомъ штабѣ, куда я долженъ былъ обратиться за обязательной визой для моихъ спутниковъ и для себя. Лишь благодаря случайному стеченію обстоятельствъ мы снова избѣгли участи, которая насъ ожидала.

РОЗЫСКИ.

20-го іюля бѣлые (такъ обозначались антибольшевистскія войска) заняли Тюмень и освободили насъ отъ неистовыхъ, жертвой которыхъ мы чуть-было не стали. Черезъ нѣсколько дней газеты воспроизвели прокламацію, которая была расклеена на улицахъ Екатеринбурга, объявляющую, что смертный приговоръ, вынесенный эксъ-Царю Николаю Романову приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 іюля, и что Императрица и Дѣти эвакуированы въ надежное мѣсто»!

Наконецъ, 25 іюля Екатеринбургъ палъ въ свою очередь, и какъ только пути сообщенія были возстановлены—что произошло не скоро, такъ какъ желѣзно-дорожный путь очень пострадалъ,—мы съ мистеромъ Джибсомъ поспѣшили на розыски Императорской Семьи и тѣхъ изъ нашихъ спутниковъ, которые остались въ Екатеринбургѣ.

Черезъ день по пріѣздѣ я впервые проникъ въ домъ Ипатьева. Я пробѣжалъ по комнатамъ, служившимъ имъ тюрьмою; онѣ были въ неописуемомъ

безпорядкѣ, и были видны старанія уничтожить всѣ слѣды тѣхъ, кто въ нихъ жилъ. Изъ печей были извлечены груды пепла. Въ немъ оказалось масса полусгорѣвшихъ мелкихъ предметовъ, какъ зубныя щетки, шпильки, пуговицы и проч., между которыхъ я нашелъ конецъ головной щетки, принадлежавшей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, съ сохранившимися явственно иниціалами А. Ѳ. Если это правда, что заключенные были эвакуированы они должны были быть увезены какъ они были, безъ даже необходимѣйшихъ предметовъ туалета.

Далѣе я замѣтилъ на косякѣ одного изъ оконъ въ комнатѣ Ихъ Величествъ любимый знакъ Императрицы суувастику *), который она приказывала начертывать повсюду, какъ приносящій счастье. Она нарисовала его карандашемъ и прибавила снизу дату 17/30 апрѣля, день ихъ поселенія въ домъ Ипатьева. Тотъ же знакъ, но безъ даты, находился также на обояхъ на высотѣ кровати, принадлежавшей должно быть ей или Алексѣю Николаевичу. Но сколько я ни искалъ, я не открылъ ни малѣйшаго указанія, которое могло бы навести на ихъ слѣдъ.

Я спустился затѣмъ въ нижній этажъ, большая часть котораго была въ полу-подвалѣ. Съ крайнимъ волненіемъ вступилъ я въ комнату, которая быть можетъ у меня еще сохранялось нѣкоторое сомнѣніе была мѣстомъ ихъ кончины. Видъ ея былъ зловѣщъ болѣе, чѣмъ это можно выразить. Свѣтъ проникалъ въ нее черезъ окно, задѣланное рѣшеткой и выходящее на стѣну вышиной въ человѣческій ростъ. На стѣнахъ и на полу многочисленные слѣды пуль и ударовъ штыками. Съ перваго взгляда было ясно, что здѣсь было совершено гнусное ..одѣяніе и что многихъ здѣсь постигла смерть. Но кого? Сколькихъ? Въ моемъ отчаяніи я началъ вѣрить, что Государь погибъ, а если такъ, то я не могъ допустить, чтобы Государыня его пережила. Я видѣлъ, какъ въ Тобольскѣ, когда комиссаръ Яковлевъ явился за Государемъ, она бросилась туда, гдѣ опасность ей казалась больше. Я видѣлъ, какъ послѣ многихъ часовъ терзаній, отчаянной борьбы чувствъ матери и супруги, Она, съ смертной тоской, покинула свое больное дитя, чтобы послѣдовать за супругомъ, жизнь котораго ей казалась подъ угрозой. Да, возможно, что это такъ, возможно, что они пали оба жертвой этихъ звѣрей. Но дѣти? Погублены тоже? Я не могъ этого допустить. Все мое существо возставало противъ этой мысли. Но въ то же время все подтверждало, что жертвъ было нѣсколько. Значитъ?..

Въ слѣдующіе дни я продолжалъ свои розыски въ Екатеринбургѣ, въ окрестностяхъ, въ монастырѣ, повсюду, гдѣ я могъ надѣяться отыскать какую-нибудь улику. Я повидалъ отца Сторожева, послѣдняго, который совершалъ богослуженіе въ домѣ Ипатьева. Это было воскресенье 14-го, то есть за два дня до трагической ночи. Онъ также, увы! сохранилъ мало надежды.

ОФФИЦІАЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

Судебное разслѣдованіе подвигалось очень медленно. Началось оно въ очень трудной обстановкѣ, ибо между 17 и 25 іюля у большевистскихъ комиссаровъ было достаточно времени, чтобы уничтожить почти всѣ слѣды преступленія. По взятіи Екатеринбурга военныя власти поставили стражу вокругъ дома Ипатьева и открыли судебное слѣдствіе, но нити были такъ ловко запутаны, что было очень затруднительно въ нихъ разобраться. Самое важное показаніе было дано нѣсколькими крестьянами деревни Коптяки, находящейся въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Екатеринбурга. Они явились и доложили.

*) Суувастика индійскій религіозный символъ въ формѣ равносторонняго креста, съ отогнутыми въ лѣвую сторону концами; если они отогнуты направо, соотвѣтственно кажущемуся движенію солнца, то знакъ называется свастика.

что въ ночь съ 16 на 17 большевики заняли одну изъ прогалинъ прилежащаго къ ихъ деревнѣ лѣса и оставались тамъ нѣсколько дней. Кромѣ того, они представили предметы, найденные ими около одной покинутой шахты, неподалеку отъ которой видны были слѣды большого костра. На указанную прогалину были отправлены офицеры, которые отыскали тамъ другіе предметы, достовѣрно признанные, какъ и первые, принадлежавшими Императорской Фамиліи.

Слѣдствіе было поручено члену Екатеринбургскаго окружнаго Суда—Ивану Александровичу Сергѣеву и продолжалось въ законномъ порядкѣ, но наталкивалось на безчисленныя затрудненія. Сергѣевъ все болѣе и болѣе склонялся къ убѣжденію, что всѣ члены семьи были убиты. Между тѣмъ, тѣлъ по прежнему не удавалось найти, и нѣкоторыя показанія подтверждали предположеніе, что Государыня и Дѣти были эвакуированы. Эти показанія—какъ было впослѣдствіи установлено—исходили отъ большевистскихъ агентовъ, намѣренно оставленныхъ въ Екатеринбургѣ, дабы запутать розыскъ. Цѣль ихъ отчасти была достигнута, ибо Сергѣевъ потерялъ драгоцѣнное время и не скоро убѣдился, что онъ на ложномъ слѣду.

Въ Январѣ 1919 года адмиралъ Колчакъ, отдавая себѣ отчетъ въ историческомъ значеніи этого слѣдствія и желая познакомиться съ нимъ, поручилъ генералу Дитрихсу привезти ему изъ Екатеринбурга слѣдственные матеріалы и всѣ вещи, принадлежавшія Императорской Фамиліи. 5-го февраля онъ вызвалъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Николая Алексѣевича Соколова и предложилъ ему ознакомиться съ слѣдственнымъ производствомъ. Два дня спустя министръ юстиціи Старынкевичъ назначилъ его продолжать слѣдствіе.

Я познакомился съ Н. А. Соколовымъ въ концѣ февраля въ Омскѣ, куда я былъ вызванъ начальникомъ французской военной миссіи генераломъ Жанэномъ. Мы работали въ теченіе нѣсколькихъ дней вмѣстѣ, затѣмъ онъ отправился въ Екатеринбургъ продолжать на мѣстѣ слѣдствіе, начатое Сергѣевымъ.

Въ апрѣлѣ генералъ Дитрихсъ, вернувшись изъ Владивостока, куда онъ былъ командированъ адмираломъ Колчакомъ съ особымъ порученіемъ, въ сопровожденіи прибывшаго съ нимъ сотрудника «Таймса» Р. Вильтона, присоединился къ Соколову и сталъ помогать ему. Съ этого момента слѣдствіе стало быстро подвигаться. Были допрошены сотни свидѣтелей, и какъ только сталъ снѣгъ, на прогалинѣ, гдѣ коптяцкіе крестьяне нашли принадлежавшіе Императорской Фамиліи предметы, были предприняты значительныя работы.

Посвятивъ себя цѣликомъ порученному ему дѣлу, проявляя неутомимое терпѣніе и самоотверженность, Н. А. Соколовъ добился того, что съ поразительной стройностью въ нѣсколько мѣсяцевъ возстановилъ всѣ обстоятельства преступленія.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Какъ сказано уже было выше, въ серединѣ апрѣля 1918 года предсѣдатель Московскаго центральнаго исполнительнаго комитета Янкель Свердловъ, подъ давленіемъ Германіи,*) послалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева, чтобы перевезти Царскую Семью. Яковлевъ получилъ распоряженіе отвезти ее въ Москву или Петроградъ. Однако, онъ встрѣтилъ при исполненіи данныхъ ему приказаній сопротивленіе, для преодолѣнія котораго онъ приложилъ всѣ усилія, какъ установлено было слѣдствіемъ. Это сопротивленіе организовано было мѣстнымъ уральскимъ правительствомъ, засѣдавшимъ въ Екатеринбургѣ. Оно-то и

*) Я впослѣдствіи еще вернусь къ преслѣдовавшейся Германіей при этомъ цѣли, заключавшейся въ возстановленіи монархіи въ пользу Государя или Цесаревича при условіи признанія Брестъ-Литовскаго договора и заключенія союза между Россіей и Германіей. Этотъ планъ не удался, благодаря изумительной стойкости Государя, который, повидимому, палъ жертвой своей вѣрности своимъ союзникамъ.

подстроило, тайкомъ отъ самого Яковлева, ловушку, при помощи которой захватило Государя въ пути. Но представляется весьма и весьма вѣроятнымъ, что этотъ проектъ получилъ секретное одобреніе изъ Москвы. Дѣйствительно, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Свердловъ игралъ двойную игру и что, наружно идя навстрѣчу требованіямъ представителя Германіи генерала барона Мирбаха, онъ сговорился съ екатеринбургскими комиссарами не выпускать Царя. Какъ бы то ни было, поселеніе Государя въ Екатеринбургѣ было неожиданностью. Въ два дня купецъ Ипатьевъ былъ выселенъ изъ своего дома, и былъ построенъ плотный деревянный заборъ, возвышавшійся до оконъ второго этажа.

Туда были доставлены 30 апрѣля Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Николаевна, докторъ Боткинъ и трое слугъ. Въ началѣ стражу несли солдаты, случайно подбиравшіеся и часто мѣнявшіеся. Впослѣдствіи караулъ составлялся исключительно изъ рабочихъ Верхне-Исетскихъ заводовъ и фабрики братьевъ Злоказовыхъ. Во главѣ ихъ былъ комиссаръ Авдѣевъ, комендантъ дома со спеціальнымъ назначеніемъ, какъ обозначался домъ Ипатьева.

Условія жизни здѣсь были значительно тягостнѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ. Авдѣевъ былъ застарѣлый пьяница, дававшій волю своимъ грубымъ инстинктамъ и изощрявшійся вмѣстѣ со своими подчиненными въ причиненіи каждый день новыхъ униженій узникамъ. Приходилось переносить лишенія, притѣсненія и подчиняться требованіямъ и самодурству этихъ грубыхъ и низкихъ людей.

Цесаревичъ и его три сестры по прибытіи въ Екатеринбургъ (23 мая) были отвезены въ домъ Ипатьева, гдѣ ждали ихъ родители. Встрѣча была живой радостью, несмотря на печальное настоящее и тревожное будущее. Они были такъ счастливы видѣть другъ друга вмѣстѣ послѣ всѣхъ опасеній, вызванныхъ разлукой! Черезъ нѣсколько часовъ привели также повара Харитонова, стараго лакея Трупа и маленькаго поваренка Леонида Седнева. Остальные же: генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова, М-lle Шнейдеръ и камердинеръ Государыни Волковъ были прямо отправлены въ тюрьму.

24-го камердинеръ Государя Чемадуровъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ тюремный лазаретъ; его тамъ забыли, и такимъ образомъ онъ чудомъ спасся отъ смерти. Черезъ нѣсколько дней увели также дядьку Цесаревича матроса Нагорнаго и выѣздного Великихъ Княженъ Ивана Седнева. Послѣ короткаго пребыванія въ тюрьмѣ они были разстрѣляны въ началѣ іюня въ окрестностяхъ Екатеринбурга. Небольшое число лицъ, оставленныхъ при заключенныхъ, быстро таяло. Къ счастью, съ ними оставался докторъ Боткинъ*), преданность котораго была замѣчательна, и нѣсколько слугъ испытанной вѣрности.

Государь, Государыня и Цесаревичъ занимали угловую между площадью и Вознесенскимъ переулкомъ комнату, а четверо Великихъ Княженъ сосѣднюю комнату, дверь въ которую была снята: первыя ночи у нихъ не было кроватей, и онѣ спали на полу. Докторъ Боткинъ спалъ въ гостиной, а камеристка Государыни—въ угловой между Вознесенскимъ переулкомъ и садомъ комнатѣ. Остальные были помѣщены въ кухнѣ и въ прилежащей залѣ.

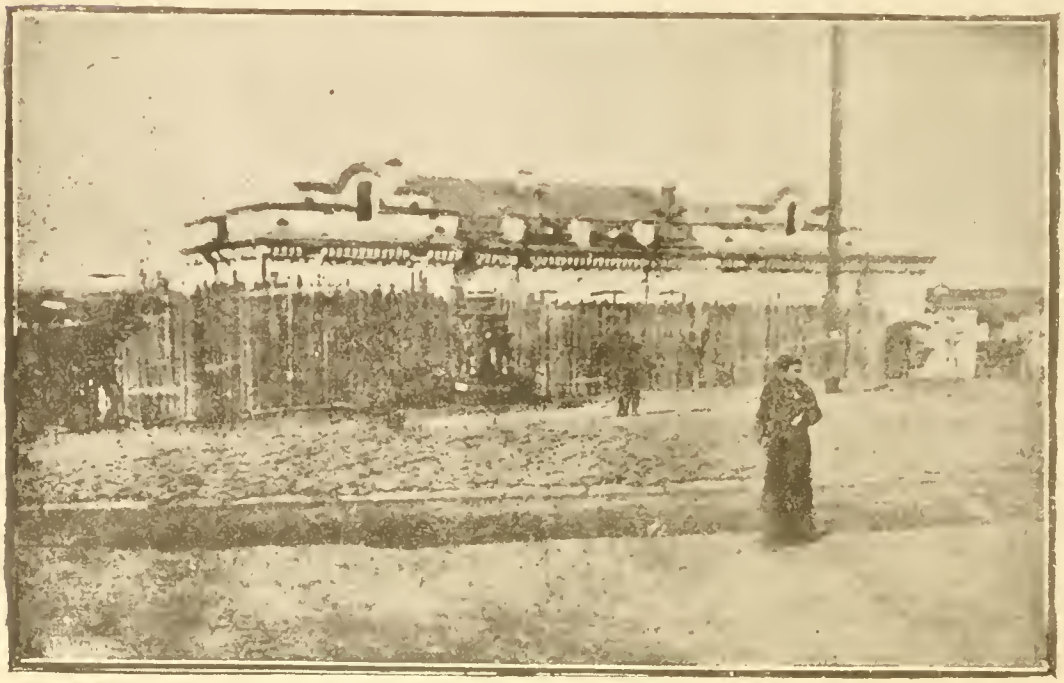
Состояніе здоровья Алексѣя Николаевича ухудшилось, благодаря утомленію въ дорогѣ; онъ оставался большую часть дня въ постели и, когда выходили на прогулку, его несъ на рукахъ Государь.

Царская Семья и слуги садились за столъ вмѣстѣ съ комиссарами, которые помѣщались въ томъ же этажѣ, и должны были жить ежечасно въ общеніи съ этими грубыми людьми, по большей части пьяными.

---

*) Въ эти дни страданій присутствіе доктора Боткина было имъ большой поддержкой; онъ окружалъ ихъ заботами, служилъ посредникомъ между ними и комиссарами и старался оградить ихъ отъ грубости караульныхъ. Онъ давно уже посвятилъ свою жизнь тѣмъ, къ кому онъ столько лѣтъ былъ душевно привязанъ.

Государь и Государевы дѣти въ Тобольскѣ грѣются на солнышкѣ на крышѣ оранжереи.



Домъ, гдѣ была заключена и убита Императорская Семья.

Комната Государя, Государыни и Наслѣдника въ домѣ Ипатьева.

Комната Великихъ Княженъ.

Комната убійства Царской Семьи въ домѣ Ипатьева; справа портретъ Юровскаго (убійцы Государя).

Однако, мужество заключенныхъ сильно поддерживалось религіей. Они сохранили ту чудесную вѣру, которая приводила въ изумленіе окружающихъ еще въ Тобольскѣ и которая придавала имъ столько силы и ясности въ страданіи. Часто Государыня и Великія Княжны пѣли духовные напѣвы, волновавшіе даже караульныхъ, помимо ихъ воли. Они уже почти отдѣлились отъ этого міра.

Домъ былъ окруженъ второй деревянной оградой, превращавшей его въ настоящій тюремный замокъ. Караульные посты были разставлены снаружи и внутри. Комната коменданта—первая при входѣ—была занята комиссаромъ Авдѣевымъ, его помощникомъ Мошкинымъ и нѣсколькими рабочими. Остальная стража помѣщалась въ полуподвальномъ этажѣ, но люди часто поднимались въ верхній этажъ и проникали по своему произволу въ комнаты, занимаемыя Царской Семьей.

Тѣмъ не менѣе, карзульные понемногу смягчались отъ общенія съ заключенными. Они были изумлены ихъ простотой, привлечены ихъ кротостью, побѣждены ихъ яснымъ достоинствомъ, и вскорѣ почувствовали себя покоренными тѣми, кого они считали находящимися въ ихъ власти. Пьяница Авдѣевъ и тотъ былъ обезоруженъ такимъ душевнымъ величіемъ; онъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ своей низости. Глубокая жалость смѣнила въ этихъ людяхъ ихъ первоначальное звѣрство.

И З Б І Е Н І Е.

Совѣтскія власти въ Екатеринбургѣ состояли изъ: а) о б л а с т н о г о у р а л ь с к а г о с о в ѣ т а въ составѣ 30 членовъ подъ предсѣдательствомъ комиссара Бѣлобородова; б) п р е з и д і у м а, какъ-бы исполнительнаго комитета изъ нѣсколькихъ членовъ,—Бѣлобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и др.; в) ч р е з в ы ч а й к и,—народное названіе «чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей», центръ которой находится въ Москвѣ и которая имѣетъ развѣтвленія по всей Россіи. Это—грозное учрежденіе, представляющее собою самую основу совѣтскаго режима. Каждое отдѣленіе получаетъ приказанія непосредственно изъ Москвы, но выполняетъ ихъ своими средствами. Каждая чрезвычайка, сколько-нибудь значительная, имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ людей, большей частью австро-германскихъ военнопленныхъ, латышей, китайцевъ, и пр., которые въ сущности представляютъ собой щедро оплачиваемыхъ палачей. Въ Екатеринбургѣ чрезвычайка была всемогуща; ея наиболѣе вліятельными членами были комиссары Юровскій, Голощекинъ и др.

Авдѣевъ находился подъ непосредственнымъ надзоромъ другихъ комиссаровъ, членовъ президіума и чрезвычайки. Они не замедлили обратить вниманіе на перемѣну въ отношеніяхъ караульныхъ къ узникамъ и рѣшили принять рѣшительныя мѣры. Москва тоже встревожилась, какъ свидѣтельствуетъ телеграмма, посланная изъ Екатеринбурга Бѣлобородовымъ Свердлову и Голощекину (тогда находившемуся въ Москвѣ): «Сыромолотовъ выѣхалъ въ Москву, чтобы организовать д ѣ л о въ соотвѣтствіи съ указаніями изъ центра. Напрасныя опасенія. Нѣтъ причинъ къ безпокойству. Авдѣевъ отставленъ. Мошкинъ арестованъ. Авдѣевъ замѣненъ Юровскимъ. Внутренній караулъ смѣненъ новымъ».

Эта телеграмма отъ 4 іюля.

Въ этотъ же день, дѣйствительно, Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были арестованы и замѣнены комиссаромъ Юровскимъ, евреемъ, и его подручнымъ Никулинымъ. Стража, сформированная, какъ уже было сказано, исключительно изъ русскихъ рабочихъ, была переведена въ сосѣдній домъ Попова.

Юровскій привелъ съ собою десять человѣкъ, —почти всѣ австро-германскіе военноплѣнные, —«выбранныхъ» между палачами чрезвычайки. Съ этого дня они заняли внутренніе посты, между тѣмъ, какъ на наружныхъ попрежнему оставалась русская стража.

«Домъ особаго назначенія» сдѣлался отдѣленіемъ чрезвычайки, и жизнь узниковъ съ этого момента представляетъ собою лишь долгое мученичество.

Въ это время смерть Императорской Семьи уже была рѣшена въ Москвѣ. Вышеприведенная телеграмма удостовѣряетъ это. Сыромолотовъ выѣхалъ въ Москву лишь за тѣмъ, чтобы «организовать дѣло по указаніямъ изъ центра ... Онъ вернется съ Голощекинымъ и привезетъ съ собой инструкціи и директивы Свердлова. Пока Юровскій принимаетъ свои мѣры! Онъ нѣсколько дней подрядъ выѣзжаетъ верхомъ, и его видятъ объѣзжающимъ окрестности, отыскивающимъ мѣсто, пригодное для его намѣреній, гдѣ должны будутъ исчезнуть тѣла его жертвъ. И этотъ самый человѣкъ, цинизмъ котораго превосходитъ всякое воображеніе, приходитъ затѣмъ посѣщать Цесаревича въ его постели! Проходитъ нѣсколько дней; Голощекинъ и Сыромолотовъ возвратились, все готово.

Въ воскресенье, 14 іюля, Юровскій приказываетъ позвать священника и разрѣшаетъ произвести богослуженіе. Заключенные уже осуждены на смерть, и имъ нельзя отказать въ поддержкѣ религіи!

На другой день онъ отдаетъ приказаніе увести малолѣтняго Леонида Седнева въ домъ Попова, гдѣ находится русская стража.

16-го къ 7 часамъ вечера онъ приказываетъ Павлу Медвѣдеву, къ которому онъ питалъ полное довѣріе—Медвѣдевъ находился во главѣ русскихъ рабочихъ—принести ему двѣнадцать револьверовъ системы „Наганъ", которыми располагала русская стража. И когда это приказаніе выполнено, онъ объявляетъ ему, что вся Царская Семья въ эту же ночь будетъ предана смерти, и что онъ поручаетъ ему сказать объ этомъ позже русской стражѣ. Медвѣдевъ объявляетъ имъ это къ 10 часамъ.

Немного послѣ полуночи Юровскій входитъ въ комнаты, занимаемыя членами Царской Семьи, будитъ ихъ и всѣхъ, кто съ ними жилъ, и приказываетъ приготовиться слѣдовать за нимъ. Онъ выставляетъ предлогомъ, что ихъ необходимо увести, что въ городѣ бунтъ, и что пока они будутъ въ большей безопасности въ нижнемъ этажѣ. Всѣ вскорѣ готовы, берутъ съ собой нѣкоторыя мелочи и подушки, опускаются по внутренней лѣстницѣ, ведущей во дворъ, откуда входятъ въ комнаты партернаго этажа. Во главѣ идетъ Юровскій съ Никулинымъ, затѣмъ Государь съ Алексѣемъ Николаевичемъ на рукахъ, Государыня, Великія Княжны, докторъ Боткинъ, Анна Демидова, Харитоновъ и Трупъ. Заключенные останавливаются въ комнатѣ, указанной Юровскимъ. Они убѣждены, что послано за экипажами или автомобилями, которые должны ихъ увезти, и такъ какъ ожиданіе можетъ быть продолжительнымъ, они просятъ дать имъ стульевъ. Приносятъ три стула. Цесаревичъ, который не въ состояніи оставаться на ногахъ изъ-за больной ноги, садится посреди комнаты. Государь садится слѣва отъ него, докторъ Боткинъ стоитъ направо и немного отступя. Государыня сидитъ у стѣны, направо отъ двери, черезъ которую они вошли, недалеко отъ окна. На ея стулъ и на стулъ Алексѣя Николаевича положены подушки. За ея спиной находится одна изъ дочерей, должно быть Татіана Николаевна. Съ этой же стороны въ углу стоитъ Анна Демидова, у нея въ рукахъ двѣ подушки. Три остальныя Великія Княжны прислонились къ стѣнѣ въ глубинѣ, и справа отъ нихъ въ углу Харитоновъ и старый Трупъ.

Ожиданіе длится въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, вдругъ входитъ въ комнату Юровскій съ семью австро-германцами и двумя своими друзьями, комис-

сарами Ермаковымъ и Вагановымъ, главными палачами чрезвычайки. Медвѣдевъ тоже съ ними. Юровскій приближается и говоритъ Государю: «Ваши хотѣли Васъ спасти, но потерпѣли неудачу, и мы принуждены предать Васъ смерти». Тотчасъ же онъ поднимаетъ револьверъ и стрѣляетъ въ упоръ въ Государя, который падаетъ пораженный. Это сигналъ къ общей пальбѣ. Каждый убійца выбралъ себѣ жертву. Юровскій оставилъ за собой Государя и Цесаревича. Смерть почти мгновенно постигаетъ большинство заключенныхъ. Однако Алексѣй Николаевичъ издаетъ слабый стонъ. Юровскій приканчиваетъ его выстрѣломъ. Анастасія Николаевна только ранена и кричитъ при приближеніи убійцъ; она падаетъ подъ ударами штыковъ. Анна Демидова тоже была пощажена благодаря подушкамъ, за которыми она прячется. Она начинаетъ метаться и въ концѣ концовъ падаетъ въ свою очередь подъ ударами душегубовъ.

Показанія свидѣтелей дали возможность слѣдствію возстановить во всѣхъ подробностяхъ сцену этого страшнаго избіенія. Свидѣтели эти — Павелъ Медвѣдевъ, одинъ изъ убійцъ; Анатолій Якимовъ, который несомнѣнно былъ свидѣтелемъ драмы, хотя онъ это и отрицаетъ, и Филиппъ Проскуряковъ, который разсказываетъ обстоятельства преступленія со словъ другихъ зрителей. Всѣ трое входили въ составъ караула дома Ипатьева.

Когда все окончено, комиссары снимаютъ съ жертвъ ихъ драгоцѣнности и выносятъ тѣла при помощи простынь и санныхъ оглобель на грузовой автомобиль, ожидающій у дворовыхъ воротъ между двухъ деревянныхъ заборовъ.

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СОЖЖЕНІЕ.

Нужно успѣть до разсвѣта. Мрачный поѣздъ пересѣкаетъ еще спящій городъ и направляется въ лѣсъ. Комиссаръ Вагановъ ѣдетъ передовымъ, верхомъ, такъ какъ нужно избѣжать встрѣчъ. Подъѣзжая уже къ прогалинѣ онъ видитъ ѣдущую навстрѣчу крестьянскую телѣгу. Это женщина изъ Коптякъ, выѣхавшая ночью съ сыномъ и снохой продавать рыбу въ городъ. Онъ имъ тотчасъ же приказываетъ повернуть и возвратиться домой. Для большей увѣренности, онъ сопровождаетъ ихъ, скача рядомъ съ телѣгой, и запрещая имъ подъ страхомъ смерти оглядываться и смотрѣть назадъ. Но крестьянка улучаетъ минуту и замѣчаетъ большую темную груду, подвигающуюся за всадникомъ. Вернувшись въ село, она разсказываетъ, что видѣла. Заинтересованные крестьяне отправляются на развѣдки, но наталкиваются на цѣпь часовыхъ, поставленныхъ въ лѣсу.

Тѣмъ временемъ, съ большими затрудненіями, такъ какъ дороги очень плохи, грузовикъ доѣзжаетъ до прогалины. Трупы опускаются на землю и на половину раздѣваются. Тогда-то комиссары открываютъ большое число драгоцѣнностей, которыя Великія Княжны прятали въ одеждѣ. Они тотчасъ же завладѣваютъ ими, но въ спѣшкѣ нѣсколько предметовъ падаютъ на землю и втаптываются въ почву. Затѣмъ тѣла расчленяются и кладутся на большіе костры, въ которые для усиленія огня подливается бензинъ. Наиболѣе огнеупорныя части уничтожаются при помощи сѣрной кислоты. Три дня и три ночи работаютъ убійцы надъ своимъ дѣломъ уничтоженія подъ руководствомъ Юровскаго и его друзей Ермакова и Ваганова. 175 килограммовъ сѣрной кислоты и болѣе 300 литровъ бензину привезены изъ города на прогалину.

Наконецъ 20 іюля все закончено. Убійцы уничтожаютъ слѣды костровъ, а пепелъ сбрасываютъ въ шахту, или разсѣиваютъ кругомъ опушки, дабы ничто не могло разоблачить то, что произошло.

Почему эти люди такъ заботятся затереть всѣ слѣды ихъ дѣянія? Почему прячутся они какъ преступники, тогда какъ они заявляютъ притязаніе на то, что выполняютъ дѣло правосудія? И отъ кого прячутся они?

На это даетъ намъ отвѣтъ показаніе Павла Медвѣдева. Послѣ злодѣянія Юровскій подошелъ къ нему и сказалъ: «Сохрани наружные посты, а то какъ бы народъ не взбунтовался»!. И въ послѣдующіе дни часовые продолжаютъ ходить вокругъ пустого дома, какъ если бы ничего не произошло, какъ если бы ограда попрежнему скрывала узниковъ.

Тотъ кого надо обмануть, тотъ кто не долженъ узнать, это русскій народъ.

Другое обстоятельство подтверждаетъ это, а именно предосторожность, принятая 4 іюля,—удаленіе Авдѣева и отстраненіе русской стражи. Комиссары больше не довѣряли этимъ рабочимъ Верхъ-Изетскихъ заводовъ и Злоказовской фабрики, которые, однако, были на ихъ сторонѣ и сами добровольно пришли и записались, чтобы стеречь Николая кроваваго. Ибо они знали, что только каторжники или иностранцы, наемные палачи, согласятся выполнить гнусное дѣло, которое имъ было предложено.

Эти палачи были: еврей Юровскій, русскіе каторжники Медвѣдевъ, Никулинъ, Ермаковъ и Вагановъ и семь австро-германцевъ.

Да, отъ русскаго народа прячутся они, притязающіе быть его уполоомоченными. Его они боятся; они страшатся его мести.

Наконецъ, 20 іюля они находятъ рѣшимость заговорить и объявляютъ народу кончину Императора въ прокламаціи, расклеенной въ этотъ день на улицахъ Екатеринбурга. Пять дней спустя пермскія газеты публикуютъ слѣдующую декларацію:

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

президіума Уральскаго областного совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красногвардейскихъ депутатовъ:

Принимая во вниманіе, что чехо-словацкія банды угрожаютъ красной столицѣ Урала Екатеринбургу; принимая во вниманіе, что коронованный палачъ можетъ убѣжать отъ народнаго суда (недавно раскрытъ бѣлогвардейскій заговоръ, имѣвшій цѣлью похищеніе всей семьи Романовыхъ), президіумъ областного совѣта, во исполненіе народной воли, постановилъ: бывшій царь Николай Романовъ, виновный передъ народомъ въ безчисленныхъ кровавыхъ преступленіяхъ, будетъ разстрѣлянъ.

Постановленіе президіума областного совѣта было приведено въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 іюля.

Семья Романовыхъ переведена изъ Екатеринбурга въ другое, болѣе надежное мѣсто.

Президіумъ Уральскаго областного комитета рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

президіума центральнаго всероссійскаго исполнительнаго комитета отъ 18 іюля с. г.

Центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ, красногвардейскихъ и казачьихъ депутатовъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, одобряетъ дѣйствія президіума Уральскаго совѣта.

Предсѣдатель центральнаго исполнительнаго комитета Свердловъ.

Въ этомъ документѣ утверждается смертный приговоръ, постановленный будто бы екатеринбургскимъ президіумомъ противъ Императора Николая II. Ложь! Преступленіе, мы знаемъ, было рѣшено въ Москвѣ Свердловымъ, и его инструкціи были доставлены Юровскому Голощекинымъ и Сыромолотовымъ.

Свердловъ былъ головой, Юровскій рукой; оба—евреи.

Государь не былъ ни осужденъ, ни даже судимъ—да и кѣмъ могъ бы онъ быть судимъ?—онъ былъ убитъ. Что же сказать тогда о Государынѣ, о Дѣтяхъ, о докторѣ Боткинѣ и о трехъ слугахъ, павшихъ вмѣстѣ съ ними. Но какое дѣло убійцамъ: они увѣрены въ безнаказанности; пуля убила, огонь уничтожилъ и земля сокрыла то, что огонь не могъ пожрать. А за себя они вполнѣ спокойны, никто изъ нихъ не проговорится, ибо они связаны своей мерзостью. И, казалось, комиссаръ Войковъ былъ правъ, когда онъ вскричалъ: «Міръ никогда не узнаетъ, что мы сдѣлали съ ними!»

Но они обманулись.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣйствій на ощупь слѣдствіе предпринимаетъ систематическіе розыски въ лѣсу. Каждая пядь земли раскопана, разсмотрѣна, спрошена, и вскорѣ шахта, почва, прогалины и трава вокругъ нея разоблачаютъ свою тайну.

Сотни предметовъ и обломковъ предметовъ, большей частью втоптанныхъ въ почву, были найдены, удостовѣрены и классифицированы слѣдствіемъ. Были обнаружены между прочимъ:

Пряжка отъ пояса Государя, обрывокъ Его фуражки, маленькая карманная рамка, въ которую вставлялся портретъ Государыни,—самый портретъ исчезъ,—и которую Государь всегда носилъ съ собой, и пр.

Любимыя серьги Государыни (одна оказалась разбитой), обрывки Ея платья, стекло отъ Ея очковъ, распознаваемое по особой своей формѣ, и пр.

Пряжка отъ пояса Цесаревича, пуговицы и обрывки его шинели и пр.

Цѣлый рядъ мелкихъ вещей Великихъ Княженъ: обломки ихъ корсетей, куски обуви, пуговицы, крючки, кнопки и пр.

Шесть металлическихъ планшетъ отъ корсета,—ш е с т ь, число, говорящее за себя, если вспомнить число жертвъ: Государыня, четыре Великихъ Княжны и А. Демидова, камеристка Государыни.

Челюсть доктора Боткина, обломки его пенснэ, пуговицы отъ его одежды и пр.

Наконецъ, кости и обломки сгорѣвшихъ костей, отчасти разрушенныхъ кислотой и носящихъ часто слѣдъ остраго орудія или пилы; револьверныя пули, очевидно, оставшіяся въ тѣлахъ, и значительное количество расплавленнаго свинца.

Горестное перечисленіе реликвій, не оставляющихъ никакой надежды, излучающихъ истину во всей ея свирѣпости и ужасѣ.

Комиссаръ Войковъ ошибся: «Міръ знаетъ теперь, что они съ ними сдѣлали».

Между тѣмъ, убійцы встревожились. Агенты, которыхъ они оставили въ Екатеринбургѣ, чтобы запутать розыскъ, увѣдомляютъ ихъ объ успѣхахъ слѣдствія, за которыми они слѣдятъ шагъ за шагомъ. И когда они видятъ, что истина будетъ обнаружена, что весь міръ вскорѣ узнаетъ, что происшло, они начинаютъ бояться и стараются переложить на другихъ отвѣтственность за ихъ злодѣяніе. Такъ, они обвиняютъ соціалистовъ-революціонеровъ въ томъ, что они виновники преступленія и что они хотѣли компрометтировать большевистскую партію. Въ сентябрѣ 1919 года двадцать восемь лицъ, ложно обвиненныхъ въ соучастіи въ убійствѣ Царской Семьи, арестованы ими въ Перми и судимы. Пять изъ нихъ осуждены на смерть и казнены.

Эта отвратительная комедія еще разъ подтверждаетъ цинизмъ этихъ людей, которые не колеблются послать на смерть невинныхъ, лишь бы освободиться отъ отвѣтственности за величайшее въ исторіи преступленіе.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ РЕЛИКВІЙ.

Въ мартѣ 1920 года я встрѣтился съ генераломъ Дитрихсомъ и М. А. Соколовымъ въ Харбинѣ, куда они, какъ и я, спаслись послѣ крушенія правительства Колчака. Они были крайне взволнованы, ибо положеніе въ Манчжуріи становилось все болѣе шаткимъ, и можно было ожидать, что восточно-китайская желѣзная дорога попадетъ въ руки красныхъ. Большевистскіе шпіоны уже кишѣли на вокзалѣ и въ окрестностяхъ. Что сдѣлать съ слѣдствіемъ? Въ какое надежное мѣсто его сдать? Генералъ Дитрихсъ и Соколовъ обратились къ высшему англійскому комиссару, передъ отъѣздомъ въ Пекинъ, съ просьбой увезти въ Европу реликвіи Императорской фамиліи и слѣдственные матеріалы, и послѣдній запросилъ свое правительство. Отвѣтъ заставилъ себя ждать. Онъ прибылъ наконецъ... Онъ былъ отрицательный.

Тогда я предпринялъ самостоятельные шаги передъ генераломъ Жанзномъ и посвятилъ его въ создавшееся положеніе.

— Я охотно готовъ, сказалъ онъ, придти къ вамъ на помощь. Я могу это сдѣлать лишь подъ личной отвѣтственностью, ибо у меня нѣтъ времени снестись съ моимъ правительствомъ. Но да не будетъ сказано, что французскій генералъ отказалъ принять реликвіи того, кто былъ вѣрнымъ союзникомъ Франціи. Пусть генералъ Дитрихсъ подастъ мнѣ письменное прошеніе, въ которомъ пусть выразитъ увѣренность въ моемъ согласіи: я приму сомнѣніе за оскорбленіе.

Письмо было написано, и генералъ Дитрихсъ явился къ генералу Жанэну уговориться относительно способа передачи драгоцѣнной поклажи лицу, которое онъ ему укажетъ въ Европѣ.

Черезъ два дня генералъ Дитрихсъ, два офицера при немъ, Н. А. Соколовъ и я, взваливши на плечи приготовленные заранѣе тяжелые чемоданы, направились къ поѣзду генерала Жанэна, стоявшему недалеко отъ вокзала. Разъединившись нѣсколько одни отъ другихъ, мы уже приближались къ дебаркадеру, какъ вдругъ шедшіе сзади увидѣли появившихся изъ темноты нѣсколькихъ субъектовъ, начавшихъ задѣвать насъ съ криками: «куда вы идете? что вы несете въ этихъ чемоданахъ?». И такъ какъ мы удвоили шаги, ничего не отвѣчая, они сдѣлали видъ, что арестовываютъ насъ и приказали намъ открыть чемоданы. Къ счастью оставалось добѣжать недалеко; мы бросились бѣжать, и минуту спустя достигли до вагона генерала, часовые котораго бросились къ намъ навстрѣчу.

Наконецъ весь слѣдственный матеріалъ былъ въ надежномъ мѣстѣ; это было какъ разъ во время, ибо, мы видѣли тому доказательство,—за нами уже была слежка. Часъ спустя мы выскользнули поодиночкѣ изъ поѣзда и прошли незамѣченные между вагоновъ сосѣднихъ эшелоновъ.

На слѣдующій день генералъ Дитрихсъ отнесъ генералу Жанэну ларецъ, содержавшій реликвіи царской семьи.

Это произошло 19 марта 1920 года.

АЛАПАЕВСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Мнѣ остается разсказать Алапаевскую трагедію, тѣсно связанную съ Екатеринбургской и стоившую жизни нѣсколькимъ другимъ членамъ царской семьи.

Сестра Императрицы Великая Княжна Елизавета Ѳеодоровна, кузенъ Государя Великій Князь Сергій Михайловичъ, князья Іоаннъ, Константинъ и

Игорь Константиновичи, и князь Палей, сынъ Вел. Кн. Павла, были арестованы весною 1918 года и отвезены въ городокъ Алапаевскъ, расположенный въ 190 верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Одна монахиня Варвара Яковлева, обычная компаньонка Великой Княгини и С. Ремесъ, секретарь Великаго Князя Сергія, раздѣляли ихъ заключеніе. Тюрьмой имъ служило помѣщеніе школы.

Въ ночь съ 17 на 18 іюля, черезъ сутки послѣ Екатеринбургскаго злодѣянія, за ними пришли и подъ предлогомъ переѣзда въ другой городъ, ихъ отвезли въ экипажахъ верстъ за 12 отъ Алапаевска. Тамъ въ лѣсу они были преданы смерти. Тѣла ихъ были брошены въ покинутую шахту, и были найдены въ октябрѣ 1918 г., покрытыя землей, обвалившейся вслѣдствіе взрывовъ, произведенныхъ ручными гранатами, къ которымъ прибѣгли убійцы, чтобы положить конецъ страданіямъ своихъ жертвъ.

Вскрытіе обнаружило слѣды огнестрѣльнаго оружія лишь на тѣлѣ Вел. Кн. Сергія; слѣдствію не удалось установить съ точностью, какимъ способомъ были преданы смерти его спутники. Возможно, что они оглушены прикладами.

Это преступленіе, неслыханно звѣрское, было дѣломъ комиссара Сафарова, члена екатеринбургскаго президіума, который впрочемъ исполнялъ лишь приказъ изъ Москвы.

НѢКОТОРЫЯ ДРУГІЯ ЖЕРТВЫ.

Заканчивая первую главу, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ моихъ сотоварищей по заключенію, которые погибли жертвами долга и преданности Царской Семьѣ.

Черезъ нѣсколько дней по взятіи Екатеринбурга, при приведеніи въ порядокъ города и при уборкѣ мертвыхъ, было обнаружено неподалеку отъ тюрьмы два трупа. На одномъ изъ нихъ найдена росписка на 88.000 рублей на имя гражданина Долгорукова и, по описаніямъ свидѣтелей, можно думать съ увѣренностью, что это было тѣло князя Долгорукова. Есть также полное основаніе полагать, что второй трупъ былъ тѣломъ генерала Татищева.

Одинъ и другой погибли, какъ они и предвидѣли это, за своего Государя. Генералъ Татищевъ сказалъ мнѣ однажды: «Я знаю, что я не выйду изъ этого живымъ. Я молюсь объ одномъ, чтобы меня не разлучали съ Государемъ и позволили умереть съ нимъ». Ему не было дано даже это послѣднее утѣшеніе.

Графиня Гендрикова и М-lle Шнейдеръ были увезены изъ Екатеринбурга черезъ нѣсколько дней послѣ избіенія Царской Семьи и доставлены въ Пермь. Тамъ онѣ были разстрѣляны въ ночь съ 3 на 4 сентября 1918 года. Тѣла ихъ были найдены и тожественность установлена въ маѣ 1919 г. Онѣ также уже давно посвятили свою жизнь тѣмъ, кого они любили.

Что до Нагорнаго, дядьки Алексѣя Николаевича, и лакея Ивана Седнева, они были поведены на смерть въ окрестности Екатеринбурга въ началѣ іюня 1918 года. Ихъ тѣла были найдены на мѣстѣ казни два мѣсяца спустя.

Всѣ—отъ генерала до простого солдата—не поколебались принести въ жертву свою жизнь и пойти мужественно на смерть. И этому матросу, скромному украинскому крестьянину, достаточно было произнести слово, чтобы быть спасеннымъ. Ему стоило только отречься отъ своего Государя! Онъ не сказалъ этого слова.

Кто же были тѣ, которые сумѣли зародить вокругъ себя столько привязанности и самоотреченія, столько мужества и величія души? Въ чемъ заключалось ихъ вліяніе? Какое обаяніе было въ нихъ, сумѣвшихъ побѣдить даже враждебность своихъ жестокихъ стражей?

Кто были они? Я попытаюсь объяснить это въ послѣдующихъ главахъ, въ которыхъ я постараюсь воплотить ихъ такими, какъ я ихъ зналъ и любилъ.

ГЛАВА II.

ЦАРЬ И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Екатеринбургское злодѣяніе представляетъ собою лишь завершеніе долгаго мученичества, развязку одной изъ самыхъ потрясающихъ драмъ, какія зналъ міръ. Никогда еще трагедія человѣческая не была столь надрывающей душу, никогда еще судьба такъ упорно и такъ безжалостно не обрушивалась на жертвы, столь благородныя и столь кроткія. Въ этой главѣ мнѣ хотѣлось бы въ краткомъ очеркѣ выяснить характеръ и глубокія причины этой трагедіи и наѣтить этапы этого скорбнаго пути до революціи 1917 года.

БОЛѢЗНЬ ЦЕСАРЕВИЧА.

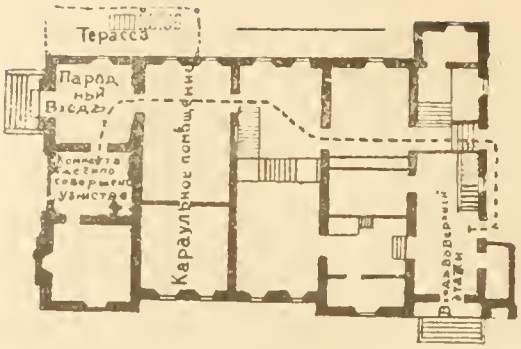
Царское Село - красивый дачный городокъ въ 20 верстахъ на югъ отъ Петрограда. Онъ расположенъ на возвышеніи, вершина котораго занята Большимъ Дворцомъ, любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины II. Неподалеку, посреди парка, пересѣченнаго искусственными озерами, возвышается гораздо болѣе скромное зданіе - Александровскій дворецъ. Императоръ Николай II избралъ его обычной своей резиденціей послѣ мрачныхъ январьскихъ событій 1905 года.

Государь и Государыня занимали партерный этажъ одного изъ крыльевъ дворца, и Дѣти Ихъ помѣщались въ слѣдующемъ этажѣ надъ ними; центральный корпусъ состоялъ изъ парадныхъ покоевъ, а противоположное крыло было предоставлено нѣкоторымъ лицамъ свиты. Въ такой обстановкѣ, вполнѣ отвѣчавшей Ея скромнымъ вкусамъ, жила Императорская Семья.

Тамъ впервые увидѣлъ я, въ февралѣ 1906 года, Цесаревича Алексѣя Николаевича, въ то время въ возрастѣ полутора лѣтъ. Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я уже пять мѣсяцевъ преподавалъ французскій языкъ Великимъ Княжнамъ Ольгѣ и Татьянѣ и пришелъ въ тотъ день, какъ обычно, въ Александровскій дворецъ, куда мои обязанности призывали меня нѣсколько разъ въ недѣлю. Я уже было кончалъ урокъ съ Ольгой Николаевной, какъ вдругъ вошла Государыня съ Наслѣдникомъ на рукахъ. Она приблизилась къ намъ съ очевиднымъ намѣреніемъ показать мнѣ Члена Семьи, котораго я еще не зналъ. Она вся свѣтилась безграничной радостью матери, которая дождалась, наконецъ, исполненія самаго дорогого своего желанія. Было видно, что Она гордится и счастлива красотой Своего Дитяти. Цесаревичъ былъ въ то время, дѣйствительно, прелестнѣйшимъ ребенкомъ, о какомъ только можно мечтать, съ красивыми золотыми волосами, большими темно-синими глазами, отѣненными длинными загнутыми рѣсницами. У него былъ свѣжій розоватый цвѣтъ лица, свойственный вполнѣ здоровому ребенку, и когда онъ смѣялся, на его темныхъ щечкахъ показывались маленькія ямочки. Когда я подошелъ къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня съ серьезнымъ и робкимъ видомъ и съ трудомъ рѣшился протянуть мнѣ свою полненькую ручку.

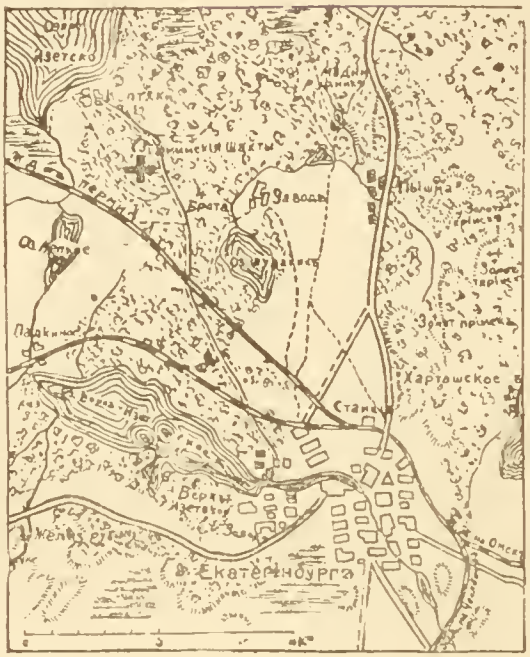
Въ этотъ же первый разъ я замѣтилъ, какъ Государыня часто прижимала къ себѣ Цесаревича тѣмъ нѣжнымъ жестомъ, въ которомъ проявляется какъ бы страхъ матери за жизнь своего дитяти; но у нея эта ласка и взглядъ, которымъ она ее сопровождала, обнаруживалъ такую несомнѣнную и болѣзненную тайную тревогу, что я былъ глубоко пораженъ. Лишь много времени спустя я понялъ ея истинное значеніе.

Слѣдователь Соколовъ разсматриваетъ пепелъ одного изъ костровъ около шахты

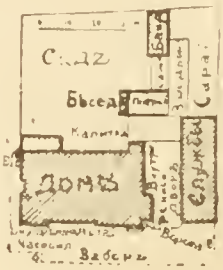


Планъ дома убійства.

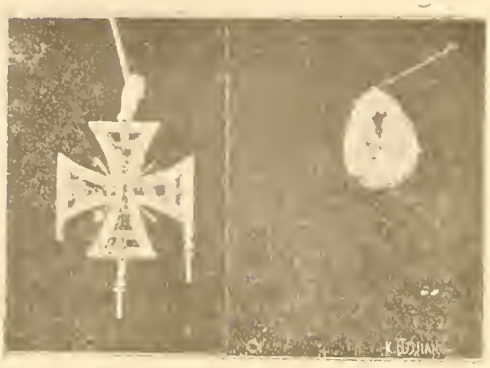
Дядька Цесаревича, матросъ Нагорный



Окрестности Екатеринбурга. Крестъ указываетъ мѣсто сожженія.

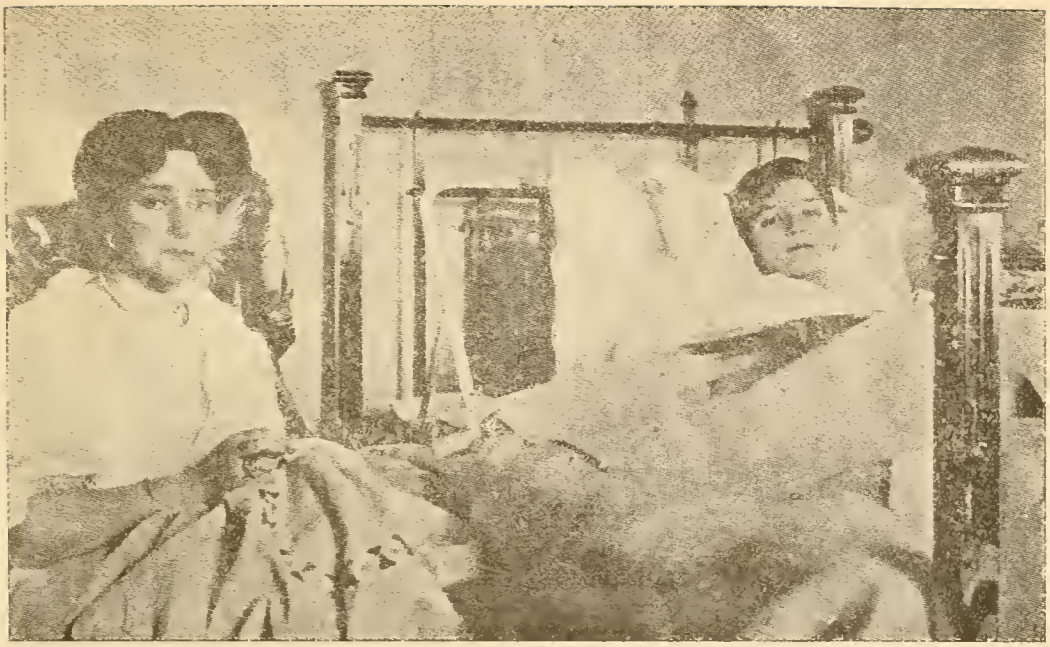


Планъ дома усадьбы.



Грудной изумрудный крестъ и крупный бриллiантъ, принадлежавшіе Государынѣ и найденные на Ганинской прогалинѣ.

Суувастика, любимый знакъ Государыни.



Государыня у постели больного Наслѣдника.

Портретъ Государя.

Портретъ Наслѣдника.

Въ слѣдующіе годы я все чаще имѣлъ возможность видѣть Алексѣя Николаевича, который, урвавшись отъ дядьки прибѣгалъ въ классную своихъ сестеръ, куда немедленно являлся кто-нибудь искать его. Иногда, однако, эти посѣщенія внезапно прекращались и въ теченіе довольно долгаго времени его не бывало видно. Всякое такое исчезновеніе вызывало у всѣхъ обитателей дворца состояніе глубокой подавленности, проявлявшейся у моихъ ученицъ въ непреодолимой грусти, которую онѣ безуспѣшно старались скрыть. Когда я ихъ разспрашивалъ, онѣ старались обойти мои вопросы и отвѣчали уклончиво, что Алексѣй Николаевичъ не совсѣмъ здоровъ. Я зналъ, изъ другихъ источниковъ, что онъ страдалъ какой-то болѣзнью, о которой говорили, намекали и которую никто не могъ мнѣ опредѣлить точно.

Лишь по назначеніи моемъ наставникомъ Алексѣя Николаевича (осенью 1913 г.) я наконецъ получилъ точныя свѣдѣнія о мучившемъ его недугѣ отъ доктора Деревенко, который уже годъ какъ состоялъ при немъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ страдалъ гемофиліей, наслѣдственной болѣзнью, передаваемой отъ родителей къ дѣтямъ ч е р е з ъ ж е н щ и н ъ, которыя сообщаютъ ее потомкамъ мужского поколѣнія. Жертвами ея становятся исключительно мужчины. Онъ объяснилъ мнѣ, что малѣйшее пораненіе можетъ повлечь смерть дитяти, такъ какъ кровь у гемофилика теряетъ способность сгущаться, какъ у здоровыхъ людей. Сверхъ того, ткань его артерій и венъ настолько хрупка, что всякій толчекъ, всякій ушибъ, всякое рѣзкое усиліе можетъ вызвать разрывъ сосудовъ и причинить роковое кровотеченіе. Такова страшная немочь, которой страдалъ Алексѣй Николаевичъ, вѣчной угрозой повисшая надъ его головой: какое-нибудь паденіе, кровотеченіе изъ носу, простой порѣзъ, все что для рядового ребенка было бы пустякомъ, для него могло оказаться смертельнымъ. Его необходимо было поэтому окружать крайней заботливостью, особенно въ ранніе годы, и неусыпнымъ бдѣніемъ стараться предохранить отъ всякой случайности. Ввиду этого, по настоянію врачей, къ нему приставили въ качествѣ тѣлохранителей двухъ бывшихъ матросовъ Императорской яхты боцмана Деревенко и его помощника Нагорнаго, которые должны были по очереди присматривать за нимъ.

Было, однако, невозможно, несмотря ни на какія предосторожности, предупредить всѣ случайности. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи моемъ въ обязанности, Алексѣй Николаевичъ опять заболѣлъ. Благодаря неудачному паденію подъ лѣвымъ колѣномъ образовалось подкожное кровоизліяніе, и опухоль стала быстро распространяться по всей нижней части ноги. До крайности натянутая кожа затвердѣла подъ давленіемъ излившейся крови, которая давила на нервы ноги и причиняла колющую боль, съ часу на часъ увеличивающуюся. Съ самаго начала мать не покидала ложа дитяти, наклоняясь надъ нимъ, лаская его, окутывая его своею любовію, стараясь тысячью заботъ облегчить его страданія. Государь также приходилъ въ каждую свободную минуту. Онъ старался ободрить и развлечь дитя, но боль оказывалась сильнѣе материнской ласки и разсказовъ отца, и на мгновеніе умолкшіе стоны скоро вновь вырывались. Время отъ времени открывалась дверь, и одна изъ Великихъ Княженъ приблизившись на цыпочкахъ, цѣловала братца, принося ему какъ бы вѣяніе свѣжести и здоровья. Дитя открывало на мгновеніе свои большіе глаза, уже глубоко запавшіе отъ болѣзни, и почти тотчасъ же закрывалъ ихъ вновь.

Однажды утромъ я нашелъ мать у сыновьяго изголовья. Онъ провелъ тяжелую ночь; докторъ Деревенко былъ встревоженъ, ибо кровоизліяніе все еще не могло быть остановлено, и температура продолжала подниматься. Опухоль еще разрослась и боли стали нестерпимѣе, чѣмъ наканунѣ. Дитя вытянувшись въ своей постели, мучительно стонало, голова его покоилась на плечѣ матери и его исхудалое личико стало неузнаваемымъ. Время отъ времени посреди стоновъ онъ произносилъ шепотомъ одно слово «маму!», въ которое

онъ вкладывалъ всю свою муку, все свое томленіе. И мать покрывала поцѣлуями его волосы, лобъ, глаза, какъ будто эта ласка ея устъ могла утишить его боль или вдохнуть въ него немного покидавшей его жизни. О! терзанія этой матери, безпомощно присутствующей при мученичествѣ своего дитяти въ теченіе долгихъ часовъ смертнаго томленія, этой матери, знающей, что о н а п р и ч и н а его мукъ, что о н а передала ему эту страшную болѣзнь, противъ которой безсильно знаніе человѣческое! Какъ понятна становилась мнѣ теперь тайная драма ея жизни, какъ нетрудно было мнѣ возстановить этапъ за этапомъ этотъ долгій крестный путь!

ПОЯВЛЕНІЕ РАСПУТИНА.

Я счелъ необходимымъ остановиться дольше на вышеприведенныхъ личныхъ воспоминаніяхъ о болѣзни Алексѣя Николаевича, ибо она имѣетъ первостепенное значеніе. Дѣйствительно она имѣла своимъ послѣдствіемъ появленіе Распутина, сыгравшаго выдающуюся роль въ событіяхъ, которыми отмѣченъ конецъ царствованія Николая II.

Какой безграничной радостью было, девять лѣтъ передъ тѣмъ, для Государя и Государыни рожденіе столь горячо желаннаго сына, столь долгожданнаго наслѣдника! Казалось, что всѣ прошлыя горести забыты и что предъ ними открывается эра счастья. Увы! это была лишь кратковременная передышка, за которой послѣдовали худшія бѣдствія: прежде всего январьскій разстрѣлъ передъ Зимнимъ Дворцомъ, воспоминаніе о которомъ всю жизнь, затѣмъ мучило ихъ, какъ ужасный кошмаръ, затѣмъ плачевное завершеніе русско-японской войны. Ихъ единственнымъ утѣшеніемъ въ эти черные дни было ихъ возлюбленное дитя, но они — увы! — не замедлили убѣдиться, что Цесаревичъ былъ гемофиликомъ. Съ этого момента жизнь матери становится вѣчной тревогой, сплошнымъ надрывомъ. Она знала эту страшную болѣзнь: ея дядя, ея братъ и два ея племянника погибли отъ нея. Съ самаго дѣтства она слышала о ней, какъ о чемъ-то ужасномъ, противъ чего люди безсильны. И вотъ ея единственный сынъ, это дитя лелѣемое ею болѣе всего на свѣтѣ, поражено этой болѣзнью, и смерть стережетъ его, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ и унесетъ его, какъ унесла уже столькихъ дѣтей ея рода. О! нужно бороться, нужно спасти его во что бы то ни стало. Невозможно, чтобы наука была безпомощна; средство, которое можетъ спасти его, быть можетъ существуетъ, и его надо найти. Были призваны врачи, хирурги, профессора, но они безуспѣшно пробовали примѣнять всѣ способы леченія.

Когда мать поняла, что ей безполезно ждать помощи отъ людей, у нея осталась одна надежда на Бога. Онъ одинъ въ состояніи сотворить это чудо. Но Божію помощь надо заслужить. Будучи и ранѣе того глубоко вѣрующей, Она отдалась отнынѣ православной религіи цѣликомъ, со всей страстностью и порывомъ, вкладываемыми Ею во все, что Она дѣлала. Жизнь во дворцѣ приняла характеръ строгій, почти суровый. Торжества стали рѣдки; внѣшнія проявленія, связанныя съ царскимъ саномъ, были ограничены, по возможности. Царская Семья отчуждалась даже мало по малу отъ свиты и уединялась въ самой себѣ.

Между тѣмъ, послѣ каждаго изъ припадковъ дитя возрождалось къ жизни, чувствовало себя вполнѣ здоровымъ и возвращалось къ своему веселію и играмъ. И всякій разъ, видя его розовыя щечки, слыша его радостный смѣхъ, наблюдая за его прыжками, Царица чувствовала, какъ въ ея сердцѣ воскресаетъ безпредѣльная надежда, и Она говорила себѣ: «Господь услышалъ меня. Онъ сжалился надъ моимъ горемъ». Но вдругъ болѣзнь опять набрасывалась на Дитя, повергала его на ложе страданій, увлекала его до вратъ смерти.

Протекали мѣсяцы, ожидаемое чудо не свершалось, припадки повторялись жестоко, безжалостно. Несмотря на жаркія молитвы, ожидаемое божественное вмѣшательство не проявлялось. Послѣдняя надежда обманула. Безграничное отчаяніе завладѣло душой Государыни; ей представлялось, что весь міръ отвернулся отъ нея.

Тогда-то былъ приведенъ къ ней простой сибирскій крестьянинъ Распутинъ. Этотъ человѣкъ сказалъ Ей: «Вѣрь въ силу моей молитвы; вѣрь въ могущество моего заступничества, и Твой Сынъ будетъ жить! Мать судорожно ухватилась за подаваемую имъ надежду, какъ утопающій цѣпляется за протянутую руку; она повѣрила въ него всею силой своей души. Давно, впрочемъ, Она была убѣждена, что спасеніе Россіи и династіи придетъ отъ народа, и Она вообразила, что этотъ смиренный мужикъ посланъ Господомъ спасти того, кто представляетъ собою надежду страны. Могущество вѣры довершило остальное; и простымъ самовнушеніемъ, поддержаннымъ нѣкоторыми случайными совпаденіями, Она убѣдила себя, что судьба Ея Дитяти зависитъ отъ этого человѣка.

Распутинъ отдавалъ себѣ отчетъ въ состояніи души этой отчаявшейся матери, надломленной борьбою и достигшей предѣла въ страданіяхъ; онъ понялъ, какую пользу можно было извлечь изъ этого, и съ дьявольскою ловкостью сумѣлъ какъ-бы связать свою жизнь съ жизнью ребенка.

Невозможно, впрочемъ, представить себѣ этотъ нравственный захватъ Царицы Распутинымъ, не уяснивши роли, которую играютъ въ религіозной жизни православнаго общества эти люди, не священники и не монахи,—хотя обычно совершенно неправильно говорятъ о «монахѣ» Распутинѣ,—которыхъ обозначаютъ названіемъ «странники» или «старцы».

«Странникъ»—это паломникъ, скитающійся изъ монастыря въ монастырь, отъ церкви къ церкви въ поискахъ за истиной и живущій подаяніемъ православныхъ. Онъ ходитъ по безпредѣльной землѣ русской, по волѣ своего вдохновенія или привлекаемый славой о святости тѣхъ или иныхъ мѣстъ или людей.

«Старецъ»—это подвижникъ, живущій обычно въ монастырѣ, иногда въ пустынѣ, нѣчто въ родѣ духовнаго руководителя, прибѣжища въ минуты смятенія и горя. Старецъ—часто бывшій странникъ, который прекратилъ скитанія и утвердился въ какомъ-нибудь мѣстѣ, чтобы окончить жизнь въ созерцаніи и молитвѣ.

Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» такъ описываетъ старца:

«Старецъ это тотъ, который завладѣваетъ вашей душой и вашей волею и дѣлаетъ ихъ своими. Избравъ старца, вы отказываетесь отъ вашей воли, вы отдаетесь въ полное подчиненіе ему, отрекаетесь отъ своего я. Тотъ, кто беретъ на себя такое испытаніе, кто соглашается вступить въ эту страшную школу жизни, дѣлаетъ это свободно, въ надеждѣ, что послѣ этого долгаго подвига онъ сумѣетъ побѣдить себя и стать господиномъ самого себя настолько, что повиновеніемъ всей жизни своей достигнетъ полной свободы, т. е. освобожденія отъ самого себя, и избѣжитъ судьбы тѣхъ, кто прожилъ всю жизнь, не найдя самого себя».

Господь даетъ старцу указанія къ вашему благу и открываетъ ему пути, которыми онъ долженъ вести васъ къ вашему спасенію.

Старецъ—стражъ идеала и истины на землѣ. Онъ также хранитель священной традиціи, которая передается, такимъ образомъ, отъ старца къ старцу до пришествія царства свѣта и справедливости.

Многіе изъ такихъ старцевъ возвысились до замѣчательной нравственной высоты и причислены къ лику святыхъ православною церковью.

Въ наши дни еще вліяніе этихъ людей, существующихъ какъ бы наряду съ клиромъ, весьма значительно въ Россіи Въ провинціи и въ деревнѣ оно даже гораздо превосходитъ вліяніе священниковъ и монаховъ.

Обращеніе Государыни было дѣломъ искренней вѣры. Православная религія вполнѣ отвѣчала Ея мистической настроенности, и Ея воображеніе было покорено ея древними и наивными обрядами. Она приняла ее со всѣмъ пыломъ новообращенной. Распутинъ въ ея глазахъ, естественно, представлялся облеченнымъ властью и святостью старца.

ДЛЯ СПАСЕНІЯ ДИНАСТІИ.

Между тѣмъ, какъ болѣзнь Цесаревича продолжала настолько отягощать бремя заботъ Царской Семьи и въ то время, какъ успѣхъ Распутина росъ въ тѣни съ быстротой, поражающей лишь того, кому неизвѣстны причины его, мирная, по крайней мѣрѣ наружно, жизнь протекала въ Царскомъ Селѣ.

Трудно представить себѣ болѣе тѣсное единеніе, чѣмъ то, которое существовало между Императоромъ Николаемъ II и Его Семьей. Разумѣется, всѣ чувства привязанности группировались вокругъ Цесаревича. Сестры обожали его, а родители видѣли въ немъ единственный смыслъ существованія. Когда онъ чувствовалъ себя хорошо, весь дворецъ преображался; это былъ какъ бы солнечный лучъ, озаряющій людей и предметы.

Алексѣй Николаевичъ былъ умное и живое дитя, полное сердечности и порыва, всецѣлостно отдававшійся жизни—когда былъ въ состояніи—со свойственной мальчику бѣшеной радостью. Очень простой въ своихъ вкусахъ, онъ ничуть не кичился тѣмъ, что онъ Наслѣдникъ-Цесаревичъ—объ этомъ онъ меньше всего думалъ—и самымъ большимъ его удовольствіемъ были игры съ сыновьями дядьки его Деревенко, которые оба были моложе его. Онъ восхищался своимъ Отцомъ и старался во всемъ подражать Ему. Весьма одаренный отъ природы, онъ достигъ бы чрезвычайно строгаго развитія, если бы его не задерживалъ недугъ. Каждый его приладокъ требовалъ цѣлыхъ недѣль, нерѣдко мѣсяцевъ бережнаго отношенія, а когда кровоизліяніе было обильно, то за нимъ наступало общее истощеніе, на долгое время не позволявшее утруждать его какимъ-либо напряженіемъ ума или силъ. Приходилось пользоваться лишь передышками, оставляемыми ему болѣзнью, вслѣдствіе чего образованіе его, несмотря на природныя способности, было очень нелегкой задачей.

Сестры его были очаровательны своей свѣжестью и здоровьемъ. Онѣ отличались добротой и поразительной простотой. Старшая, Ольга Николаевна, проявляла большую разсудительность и основательный умъ, но, вообще, онѣ были недостаточно образованы. Это происходило отъ того, что мать ихъ, которая вначалѣ внимательно слѣдила за ихъ занятіями, принуждена была впослѣдствіи отказаться отъ этого, ввиду пошатнувшагося здоровья. Недугъ Алексѣя Николаевича мало-по-малу исчерпалъ ея силы. Во время его припадковъ она растрачивала ихъ не жалѣя, съ замѣчательнымъ мужествомъ и энергіей. Но когда опасность проходила, природа брала свое, и по цѣлымъ недѣлямъ она лежала въ креслѣ, разбитая послѣ сдѣланнаго усилія.

Супруга и мать прежде всего, Государыня обожала мужа и дѣтей и чувствовала себя счастливой лишь вмѣстѣ съ ними. Просвѣщенная и одаренная художественнымъ вкусомъ, она любила чтеніе и искусства. Въ одно и то же время порывистая и сдержанная, она любила погружаться въ размышленія и часто замыкалась внутри себя и обращалась къ окружающей дѣйствительности лишь при приближеніи опасности, сметая тогда съ пылкой страстностью всякое препятствіе. Отличаясь высокими душевными качествами, она всегда руководилась самыми благородными побужденіями, и единственной цѣлью въ ея жизни было счастье ея близкихъ. Но страданія надломили ее, она была лишь

тѣнью самой себя, и въ послѣдніе годы жизни ей случалось часто переживать минуты мистическаго экстаза, препятствовавшаго ей имѣть ясное представленіе о людяхъ и о событіяхъ.

Вопреки распространенному мнѣнію, Государыня вовсе не изъ личнаго честолюбія и не изъ жажды власти принимала, въ концѣ царствованія Императора Николая II. все большее участіе въ Государственныхъ дѣлахъ. Она дѣлала это потому, что ей казалось долгомъ ея оказать помощь супругу, который, она видѣла, подавленъ тяжестью все возрастающей отвѣтственности. При своей измученности она желала одного лишь покоя, но пожертвовала личнымъ спокойствіемъ тому, что считала своей священной обязанностью. Она внесла въ эту новую борьбу то же мужество, то же самоотверженіе, но и то же—увы!—ослѣпленіе, которое она проявляла въ борьбѣ за жизнь своего Дитяти. Убѣдивши себя,—какъ я уже сказалъ,—что династія можетъ найти поддержку лишь въ народѣ, и что Распутинъ избранникъ Божій,—вѣдь она провѣрила силу его молитвъ на болѣзни сына,—она увѣровала непоколебимо, что смиренный сибирскій крестьянинъ окажетъ своимъ сверхъестественнымъ знаніемъ помощь Тому, Кто держитъ въ рукахъ судьбы Имперіи. Воздѣйствіе ея на Государя было безспорно велико и часто гибельно. Она сдѣлала изъ политики вопросъ чувства и личностей и слишкомъ часто руководилась собственными симпатіями и антипатіями или таковыми окружавшей ее свиты. Будучи отъ природы импульсивной, она поддавалась пристрастіямъ, побуждавшимъ ее оказывать безоглядочное довѣріе тѣмъ, кого она считала искренне преданными странѣ и династіи. (Такъ было въ случаѣ съ Протопоповымъ).

Была воля какого-то рока въ томъ, что Императоръ Николай II царствовалъ въ началѣ двадцатаго вѣка, въ одинъ изъ самыхъ тревожныхъ моментовъ, извѣстныхъ міру. Это былъ человѣкъ иной эпохи. Одаренный замѣчательными личными качествами, Онъ былъ воплощеніемъ русской натуры со всѣмъ, что въ ней есть благороднаго и рыцарскаго, но Онъ былъ слишкомъ добръ и скроменъ. Благодаря рѣдкой своей добросовѣстности, Онъ былъ рабомъ даннаго слова. Его вѣрность союзникамъ, вѣроятно, послужившая причиной его смерти, достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Онъ презиралъ дипломатическіе изгороты и былъ не приспособленъ къ борьбѣ; Онъ былъ раздавленъ событіями. Рѣдкій семьянинъ, онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы могъ жить простымъ смертнымъ, но, покоряясь судьбѣ, безропотно принялъ нечеловѣческую задачу, возложенную на Него Господомъ. Онъ любилъ свой народъ и родину всѣми фибрами души; Его любовь обращалась къ самымъ низшимъ изъ Его подданныхъ, къ этимъ бѣднымъ мужикамъ, положеніе которыхъ Онъ искренне желалъ улучшить. Трагична судьба этого властителя, который въ продолженіе всего царствованія мечталъ приблизиться къ своему народу и не нашелъ способа къ тому. Правда, Онъ былъ тщательно огражденъ тѣми, въ чьихъ интересахъ было, чтобы этого не произошло.

Вначалѣ Государь не уступалъ вліянію Распутина. Онъ терпѣлъ его, не рѣшаясь посягнуть на вѣру въ него Императрицы, въ которой Она почерпала надежду, поддерживавшую Ея жизнь. Онъ лишь мало-по-малу склонялся на ея настоянія, соблюдая, однако, нѣкоторую осторожность, которая исчезла почти совершенно, какъ мы увидимъ, только въ концѣ царствованія, когда онъ почувствовалъ себя окруженнымъ непреодолимыми затрудненіями и покинутымъ всѣми.

РОССІЯ И ВОЙНА.

Таково было положеніе, когда вспыхнули іюльскія событія 1914 года. Распутинъ былъ въ то время въ Сибири. На просьбу Государыни дать совѣтъ онъ отвѣтилъ, что войны нужно избѣжать во что бы то ни стало, въ против-

номъ случаѣ Россію ожидаютъ худшія бѣдствія. Эти совѣты отвѣчали тайному пожеланію Государя, миролюбивыя намѣренія котораго внѣ сомнѣній. Но наступилъ моментъ, когда германское честолюбіе и вѣроломство сломало все порывомъ вихря. Война возгорѣлась. Никогда Царь не былъ столь популяренъ, какъ въ то время, и его поѣздка въ Москву въ августѣ 1914 года превратилась въ сплошное торжественное шествіе. Но рокъ не дремалъ, приближался часъ неудачъ, и вскорѣ злополучное весеннее отступленіе 1915 года обнаружило слабость арміи, глубокое разстройство тыла и полную невозможность снабжать армію оружіемъ и припасами.

Тогда (лѣтомъ 1915 года) Государь подъ сильнымъ вліяніемъ Государыни рѣшилъ принять на себя верховное командованіе арміями. Онъ былъ подвигнутъ на то двумя побужденіями: вдохнуть своимъ присутствіемъ мужество войскамъ, деморализованнымъ понесеннымъ пораженіемъ, и разстроить заговоръ, который, какъ подозрѣвалось, подготовлялся въ Ставкѣ съ цѣлью удалить Государыню и заключить ее въ монастырь. Это рѣшеніе имѣло съ точки зрѣнія политической тягчайшія послѣдствія и еще увеличило разстройство правительственнаго аппарата. Глава государства былъ въ Могилевѣ, а его министры въ Петроградѣ. Но Государь, чувствовавшій себя одинокимъ и обманутымъ, долгомъ своимъ полагалъ жертвовать собой и не отступать передъ новой отвѣтственностью. Онъ отправился въ Ставку и помѣстился въ губернаторскомъ домѣ въ Могилевѣ, наѣзжая въ Царское Село черезъ каждыя четыре или пять недѣль, чтобы заниматься государственными дѣлами. Одиночество очень тяготило его. Онъ былъ лишенъ величайшей жизненной своей поддержки, семьи, въ одну изъ самыхъ тягостныхъ минутъ своего существованія. Государыня поняла это, и было рѣшено, чтобы Цесаревичъ сопровождалъ отца. Впервые она разставалась съ сыномъ и можно себѣ представить, какой жертвой это было для матери, никогда не покидавшей сына хоть на нѣсколько минутъ безъ мысли, что можетъ-быть она не увидитъ его живымъ. Передъ отъѣздомъ Императрица просила меня посылать ей ежедневно извѣстія объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Я аккуратно исполнялъ этотъ приказъ въ каждое пребываніе, что мы имѣли въ Ставкѣ.

По недостатку помѣщеній Государь поселилъ сына въ собственной своей спальной. Онъ бралъ его постоянно на прогулку и посвящалъ ему каждую свободную минуту. Дитя сопровождало его также въ нѣкоторыхъ объѣздахъ фронта, ибо Государь питалъ горячее желаніе показать его войскамъ.

Между тѣмъ пребываніе въ Могилевѣ вызвало серьезную задержку въ занятіяхъ Алексѣя Николаевича и было вредно для его здоровья. Онъ получалъ тамъ слишкомъ много яркихъ впечатлѣній для столь хрупкой натуры, какъ его. Онъ сдѣлался нервенъ, разсѣянъ, неспособенъ къ производительной работѣ. Я доложилъ мои наблюденія Государю. Признавая ихъ основательность, Государь возразилъ мнѣ, что эти нежелательныя явленія вознаграждаются тѣмъ, что Алексѣй Николаевичъ утрачиваетъ свою природную робость и дичливость и что отъ созерцанія бѣдствій, которыхъ онъ бываетъ свидѣтелемъ, онъ сохранитъ на всю жизнь спасительное отвращеніе къ войнѣ.

Государыня и Великія Княжны пріѣзжали время отъ времени на короткое время въ Могилевъ. Онѣ помѣщались въ ихъ поѣздѣ, участвовали въ прогулкахъ, и Государь проводилъ съ ними часть вечера.

Талъ прошло лѣто. Послѣ нѣсколькихъ незакрѣпленныхъ побѣдъ, одержанныхъ весною, войска снова принуждены были занять оборонительное положеніе. Приходилось ждать обѣщанныхъ союзниками снарядовъ, въ которыхъ была настоятельная нужда. Политическая атмосфера все болѣе сгущалась, чувствовалось приближеніе грозы. Всѣ страдали. Усталость и лишенія возбуждали общее недовольство, просачивавшееся въ печать, несмотря на цензуру. Дума

вступила въ открытую борьбу съ правительствомъ, на которое она возлагала отвѣтственность за всѣ разочарованія, испытанныя въ теченіе этой войны, столь популярной вначалѣ. Министерства, одно безсильнѣе другого, смѣнялись и падали едва сформировавшись. Разстройство и разруха увеличивались со дня на день, разногласія обострялись. Но всѣ сходились на одномъ пунктѣ,—на необходимости положить конецъ всемогуществу Распутина, вызывавшаго омерзеніе во всей странѣ.

Всѣ видѣли въ немъ пагубнаго совѣтчика при дворѣ и считали его виновнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, выпавшихъ на долю страны. Его обвиняли во всевозможныхъ порокахъ, въ развратѣ, его представляли себѣ отталкивающимъ и грязнымъ существомъ съ таинственными повадками, способнымъ на всякую низость и на всякое безстыдство. Для многихъ онъ былъ посланникомъ Сатаны, антихристомъ, пришествіе котораго возвѣщало наступленіе страшнаго лихолѣтья.

Кѣмъ же былъ онъ въ дѣйствительности?

Я пришелъ къ убѣжденію, что Распутинъ былъ заблудшій мистикъ, обладавшій чѣмъ то вродѣ психической власти на людьми. Въ другихъ рукахъ эта способность была бы драгоцѣннымъ оружіемъ; мы знаемъ, какъ пользовался онъ имъ. Это былъ лишенный равновѣсія человѣкъ, терзаемый то плотскими желаніями, то мистическими устремленіями, способный послѣ цѣлыхъ ночей оргій переживать недѣли религіознаго экстаза.

Когда его призывали во дворецъ, онъ старался воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ и вначалѣ съ дрожью отправлялся по приглашенію, такъ великъ былъ его страхъ впасть въ немилость.

За три года, что я жилъ въ Александровскомъ дворцѣ, помѣщаясь въ непосредственной близости покоевъ Алексѣя Николаевича, мнѣ лишь однажды случилось встрѣтить Распутина. Я столкнулся съ нимъ въ передней, и у меня было достаточно времени разсмотрѣть его. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ исхудалымъ лицомъ, съ острыми сѣро-зелеными глазами, глубоко сидящими подъ мохнатыми бровями. Онъ носилъ длинные волосы и большую бороду помужицки. Въ тотъ день на немъ была синяя шелковая русская рубашка съ поясомъ, широкіе черные шаровары и высокіе сапоги.

Посѣщалъ онъ дворецъ не часто и чѣмъ дальше, все рѣже. Съ нимъ видѣлись у г-жи Вырубовой*). Она же передавала ему письма Государыни и относила во дворецъ его отвѣты, чаще всего изустные.

Вліянію Распутина придается, конечно, преувеличенное значеніе. Вначалѣ оно проявлялось только въ семейной сферѣ и лишь позднѣе приняло иной характеръ. Распутинъ былъ хитеръ и лукавъ и съ величайшими предосторожностями отважился давать политическіе совѣты. Онъ позаботился подробно разузнать черезъ Вырубову обо всемъ происходящемъ при дворѣ и о сокровенныхъ чувствахъ Императорской четы. Потому то его пророческія слова зачастую лишь предупреждали тайныя желанія Государыни. Но онъ вредилъ династіи, главнымъ образомъ, безпутствомъ въ своей частной жизни, и самое нахожденіе его при дворѣ было предметомъ скандала.

Было сдѣлано много попытокъ,—и со стороны лицъ, дорогихъ сердцу Государыни,—открыть ей глаза на истинную личность Распутина: всѣ онѣ раз-

*) Г-жа Вырубова была приближенной Императрицы Александры Оеодоровны. Вліяніе ея было пагубно. Она была слѣпымъ оружіемъ въ рукахъ группы не весьма добросовѣстныхъ лицъ, извлекавшихъ выгоду изъ милости, которой она пользовалась при дворѣ. Неумная и безвольная, она подпала всецѣло подъ власть Распутина. Но чрезвычайная слѣдственная комиссія, учрежденная Керенскимъ, установила неосновательность клеветническихъ слуховъ, распространявшихся по этому поводу. (См. брошюру В. Рондинева, переведенную на французскій языкъ генераломъ Нечволодовымъ).

бились о ея ненарушимую вѣру въ него. Такъ, стремясь спасти супруга и дитя, любимое болѣе всего на свѣтѣ, она собственными руками ковала орудіе ихъ гибели.

Не встаетъ-ли передъ нами величайшая человѣческая драма, подобная тѣмъ, какія создала античная древность? И не нашелъ бы ли геній Софокла и Еврипида въ ней сюжетъ для одной изъ самыхъ волнующихъ трагедій, какую только можно вообразить?

КОНЧИНА РАСПУТИНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

Между тѣмъ страна ждала избавленія и надѣялась, что кто-нибудь возьмется освободить ее отъ того, кого она считала злымъ геніемъ Россіи.

Но Распутинъ былъ подъ тщательной охраной. Его охраняла Императорская полиція, днемъ и ночью караулившая его домъ; его охраняли и революціонеры, понимавшіе, что онъ служитъ ихъ интересамъ. Я не думаю, чтобы Распутинъ былъ агентомъ на жалованіи Германіи, но несомнѣнно онъ былъ грознымъ оружіемъ въ рукахъ германскаго генеральнаго штаба, въ интересахъ котораго также было оберечь жизнь столь цѣннаго сотрудника и который поэтому окружилъ его шпіонами, игравшими одновременно роль тѣлохранителей. Всѣ усилія германской главной квартиры были направлены къ разрушенію престижа монархіи и къ паденію Императора. Ибо въ Германіи прекрасно понимали, что Царь былъ единственнымъ звеномъ, соединявшимъ различныя партіи въ государствѣ, и что съ Его уходомъ никакое учрежденіе не будетъ способно помѣшать расчлененію Имперіи и предупредить анархію.

Было извѣстно также, что Императоръ Николай II останется вѣрнымъ до конца своимъ союзникамъ и что всѣ попытки къ сближенію разобьются о непреклонную Его волю продолжать войну до конца.

Не имѣя возможности повредить Императору непосредственно, нѣмцы обратили свои усилія противъ Императрицы и открыли противъ нея изъ подполья ловко поведенную кампанію обезславленія, не замедлившую принести плоды. Они не отступили ни передъ какимъ поношеніемъ, чтобы запачкать Ея доброе имя. Учитывая то благопріятное обстоятельство, что Государыня—бывшая нѣмецкая принцесса, они рядомъ ловкихъ провокаціонныхъ пріемовъ прославили Ее измѣнницей своему второму отечеству. Это было лучшимъ средствомъ опорочить Ее въ глазахъ страны. Обвиненіе было сочувственно принято въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества и сдѣлалось въ ихъ рукахъ страшнымъ орудіемъ противъ династіи.

Государынѣ была извѣстна ведущаяся противъ нея кампанія, и она причиняла ей страданія, какъ глубокая несправедливость, ибо она приняла новое отечество, какъ и новую религію, всѣмъ сердцемъ: она была душою русская, какъ была православная по религіознымъ убѣжденіямъ.

Проходили мѣсяцы; положеніе становилось все болѣе напряженнымъ, но Государь потерялъ еще не всю надежду. Онъ зналъ, что страна устала отъ войны и горячо жаждетъ міра. Ему было небезызвѣстно, что оппозиція растетъ съ каждымъ днемъ и что гроза надвигается. Онъ давно уже колебался, согласиться ли ему на либеральныя уступки, которыя ему совѣтовали сдѣлать. Онъ считалъ, что моментъ не подходящъ и что опасно дѣлать опыты реформъ въ полномъ разгарѣ войны. Онъ вовсе не дорожилъ лично самодержавными прерогативами, будучи олицетвореніемъ скромности и простоты, но Онъ опасался, какъ бы столь радикальная перемѣна не отразилась бы болѣзненно на странѣ въ такую критическую минуту ея исторіи. Онъ надѣялся, что патріотическое чувство заставитъ умолкнуть политическія несогласія и что никто не рискнетъ необдуманнымъ поступкомъ поставить на карту результаты войны, столь дорого стоившей странѣ.

Тѣмъ временемъ снаряженіе, отправленное Франціей и Англіей, прибывало въ удовлетворительной мѣрѣ, и Государь полагалъ, что состояніе арміи не замедлитъ улучшиться. Онъ былъ убѣжденъ, что удастся быть въ готовности присоединиться весною къ большому наступленію союзниковъ, которое должно было нанести роковой ударъ Германіи и спасти Россію. Нѣсколько мѣсяцевъ оставалось подождать побѣды.

Внезапно, какъ ударъ грома, пришло извѣстіе о смерти Распутина. Это было 30 декабря. Въ тотъ же день мы выѣхали въ Царское Село.

Я не забуду никогда глубокаго волненія, испытаннаго мною, когда я увидѣлъ Государыню. Ея разстроенное лицо, помимо воли, говорило о крайнемъ страданіи. Горе Ея было безгранично. Вѣра Ея была разбита; единственный спаситель Ея Дитяти былъ убитъ. Съ его уходомъ можно ожидать худшихъ злополучій, страшнѣйшихъ бѣдствій. И началось ожиданіе, мучительное ожиданіе несчастья, котораго нельзя избѣжать.

Распутинъ предсказалъ, что шесть недѣль спустя по его смерти жизнь Дитяти будетъ въ крайней опасности и с рана окажется на краю гибели. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Алексѣй Николаевичъ тяжко заболѣваетъ и Россія охвачена первыми корчами революціи.

Событія затѣмъ мчатся съ быстротою вихря. 15-го марта въ Псковѣ Государь, покинутый всѣми, подписыва тъ свое отреченіе. Въ этотъ день Германія одержала величайшую свою побѣду; ея происки увѣнчались успѣхомъ; съ паденіемъ Государя Россія въ полномъ ея распоряженіи.

Мученія Государыни превосходятъ все, что можно вообразить, въ эти дни смертнаго томленія, безъ вѣстей о Государѣ, у изголовья страдающаго Дитяти. Она достигла послѣдняго предѣла человѣческой сопротивляемости; это было послѣднимъ испытаніемъ, изъ котораго она почерпнула ту дивную, лучистую ясность, которая поддерживала Ее и Ея близкихъ до дня ихъ кончины.

Человѣчество всегда благоговѣйно преклонялось передъ несчастіемъ и страданіемъ. Это—чувство, которымъ оно возвышается. И никогда еще такое чувство не было болѣе умѣстно, чѣмъ передъ великимъ и страдальческимъ образомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Она была изъ числа немногихъ сильныхъ душъ, на которыя охотно обрушивается рокъ, ибо ихъ трудно одолѣть, и мѣра страданій ихъ почти безпредѣльна.

ГЛАВА III.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА И ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ЗАТОЧЕНІЕ.

Лишь послѣ долгихъ колебаній рѣшился Государь уѣхать 8 марта 1917 г. (нов. ст.) въ Могилевъ. Онъ былъ встревоженъ оборотомъ, какой принимали событія, и предвидѣлъ большія осложненія, но долгомъ своимъ полагалъ находиться въ Ставкѣ.

Этотъ отъѣздъ особенно огорчилъ Государыню, ибо къ опасеніямъ, вызваннымъ политическимъ положеніемъ, присоединялось безпокойство, внушаемое Алексѣемъ Николаевичемъ. Цесаревичъ, дѣйствительно, былъ въ кори, оставался уже нѣсколько дней въ постели, и его самочувствіе ухудшалось различными осложненіями. Къ довершенію несчастья, трое изъ Великихъ Княженъ также заболѣли, и лишь Марія Николаевна была въ состояніи помогать матери.

ПЕРВЫЕ БЕЗПОРЯДКИ.

При такихъ обстоятельствахъ Государь покинулъ Царское Село.

Черезъ день, 10-го марта, мы узнали, что въ Петроградѣ вспыхнули безпорядки и что полиція имѣла кровопролитныя стычки съ манифестантами.

Дѣло въ томъ, что уже нѣсколько дней, какъ въ рабочихъ кварталахъ города, благодаря недостатку продуктовъ питанія, царило недовольство. Образовались толпы, выступавшія на улицахъ съ требованіемъ хлѣба.

Я понялъ, какъ Ея Величество была обезпокоена, изъ того, что, вопреки обыкновенію, она заговорила со мной о политическихъ событіяхъ и сказала, что Протопоповъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) обвиняетъ соціалистовъ въ стараніяхъ, посредствомъ усиленной пропаганды среди желѣзнодорожниковъ, воспрепятствовать доставкѣ провіанта въ столицу, дабы подстрекнуть народъ къ революціи.

11-го положеніе внезапно стало критическимъ, и къ намъ начали поступать одна за другой все болѣе тревожныя вѣсти. Возстаніе распространилось на центральныя части города, и войска, вызванныя наканунѣ, оказывали вялое сопротивленіе.

Я узналъ также, что вышелъ императорскій указъ о роспускѣ Думы, но что собраніе, въ виду серьезности положенія, рѣшило не принимать къ исполненію приказа объ отсрочкѣ засѣданій и образовало Исполнительный Комитетъ, на который возложено возстановленіе порядка.

Столкновенія возобновились съ новой силой на другой день, и возставшимъ удалось завладѣть арсеналомъ. Къ вечеру мнѣ сообщили изъ Петрограда по телефону, что запасныя части*) многихъ гвардейскихъ полковъ,—Павловскаго Преображенскаго и др.,—присоединились къ нимъ. Это извѣстіе поразило Государыню. Она съ вечера была крайне встревожена и отдавала себѣ отчетъ въ грозныхъ размѣрахъ опасности.

Всѣ эти два дня она все время переходила отъ покоевъ Великихъ Княженъ къ спальной Алексѣя Николаевича, состояніе здоровья котораго ухудшилось, стараясь скрыть отъ больныхъ терзавшую ее тревогу.

13-го, въ половинѣ десятаго утра, когда я входилъ къ Алексѣю Николаевичу, Государыня сдѣлала мнѣ знакъ послѣдовать за нею въ сосѣднюю гостиную. Она сообщила мнѣ, что городъ фактически въ рукахъ революціоне-

*) Дѣйствительныя части находились на фронтѣ.

ровъ и что Дума образовала временное правительство, во главѣ котораго находится Родзянко.

— Дума показала себя на высотѣ событій,—сказала Государыня.—Она поняла, какъ видно, опасность, грозящую странѣ, но я боюсь—не слишкомъ ли поздно: образовался соціалъ-революціонный комитетъ, который не желаетъ признавать власть временнаго правительства. Я получила только что депешу отъ Государя, извѣщающую меня, что онъ прибудетъ въ 6 часовъ утра. Но Онъ желаетъ, чтобы мы уѣхали изъ Царскаго въ Гатчину*) или выѣхали къ Нему навстрѣчу. Распорядитесь, поэтому, чтобы все было готово къ возможному отъѣзду.

Приказанія отданы. Ея Величество во власти мучительныхъ колебаній. Она увѣдомила Родзянко о тяжеломъ состояніи Цесаревича и Великихъ Княженъ. Онъ отвѣчаетъ: «Когда въ домѣ пожаръ, прежде всего выводятъ больныхъ».

Въ 4 часа докторъ Деревенко (хирургъ при особѣ Алексѣя Николаевича) возвращается изъ лазарета и сообщаетъ, что вся прилежащая къ Петрограду желѣзнодорожная сѣть уже занята революціонерами, что мы не можемъ выѣхать и что мало вѣроятія, чтобы Государь могъ прибыть.

Вечеромъ, къ 9 часамъ, ко мнѣ входитъ баронесса Буксгевденъ. Она только что узнала, что царскосельскій гарнизонъ взбунтовался, на улицахъ выстрѣлы. Необходимо предупредить Государыню, которая у Великихъ Княженъ. На этомъ какъ разъ Государыня выходитъ въ корридоръ, и баронесса докладываетъ о положеніи. Мы приближаемся къ окнамъ. Видно, какъ генералъ Рейсинъ во главѣ двухъ ротъ сводно-гвардейскаго полка занимаетъ позицію передъ дворцомъ. Я замѣчаю также моряковъ гвардейскаго экипажа и казаковъ конвоя. Рѣшетки парка заняты усиленными постами, люди построены вздвоенными рядами и приготовились къ стрѣльбѣ. Въ этотъ моментъ мы узнаемъ по телефону, что мятежники идутъ въ нашемъ направленіи и что они только что убили часового, менѣе чѣмъ въ 500 метрахъ отъ дворца. Выстрѣлы учащаются, стычка представляется непредотвратимой. Государыня внѣ себя при мысли, что кровь будетъ пролита на ея глазахъ, выходитъ съ Маріей Николаевной и приближается къ солдатамъ, чтобы призвать ихъ къ спокойствію. Она умоляетъ, чтобы были начаты переговоры съ возставшими. Минута торжественная. У всѣхъ сердце стѣсняется тревогой. Малѣйшая неосторожность—и можетъ произойти рукопашная схватка, а за нею бойня. Тѣмъ временемъ съ обѣихъ сторонъ выступаютъ офицеры, и начинаются переговоры. Убѣжденія старыхъ начальниковъ и рѣшительный видъ оставшихся вѣрными защитниковъ производятъ впечатлѣніе на мятежниковъ.

Возбужденіе мало-по-малу падаетъ, и въ концѣ концовъ намѣчается нейтральная полоса между обѣими сторонами.

Такъ проходитъ ночь, а утромъ получается рѣшительный приказъ временнаго правительства, прекращающій это тревожное состояніе.

Во второй половинѣ дня Ея Величество приглашаетъ Великаго Князя Павла и спрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ Государь. Великій Князь не знаетъ. По его мнѣнію только немедленное дарованіе конституціи можетъ еще отвратить опасность. Государыня присоединяется къ этому мнѣнію, но она безсильна, ибо она уже второй день не имѣетъ сообщенія съ Государемъ. День 15-го проходитъ въ удрученномъ ожиданіи событій. Ночью въ половинѣ четвертаго доктора Боткина вызываетъ къ телефону одинъ изъ членовъ временнаго правительства и справляется о здоровьи Алексѣя Николаевича. (Позже мы узнаемъ, что въ городѣ распространился слухъ о его смерти).

*) Другая императорская резиденція въ 20 верстахъ къ юго-западу отъ Петрограда.

На слѣдующій день терзанія Государыни продолжаются. На третій день она безъ вѣстей о Государѣ, и ея безысходная тревога отягощается вынужденнымъ бездѣйствіемъ.

ИЗВѢСТІЕ ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ.

Къ концу дня во дворецъ достигаетъ вѣсть объ отреченіи. Государыня отвергаетъ ее, какъ ложный слухъ. Но нѣкоторое время спустя Великій Князь Павелъ приходитъ и подтверждаетъ извѣстіе. Она вновь отказывается вѣрить ему, и сдается лишь передъ очевидностью привезенныхъ имъ данныхъ. Государь отрекся наканунѣ въ пользу брата своего Великаго Князя Михаила Александровича.

Отчаяніе Государыни превосходитъ всякое воображеніе. Но мужество не покидаетъ ее. Я увидѣлся съ ней снова вечеромъ у Алексѣя Николаевича. Лицо ея изможденно, но почти сверхчеловѣческимъ усиліемъ воли она заставила себя придти, какъ обычно, къ дѣтямъ, дабы не взволновать юныхъ больныхъ, которые не знаютъ ничего, что произошло со времени отъѣзда Государя въ Ставку.

Поздно ночью мы узнаемъ, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ отказался и что судьба Россіи должна быть рѣшена Учредительнымъ Собраніемъ.

На другой день я нахожу Государыню у Алексѣя Николаевича. Она страшно похудѣла и постарѣла за эти дни.

Во второй половинѣ дня Ея Величество получаетъ депешу отъ Государя, въ которой онъ старается успокоить ее и увѣдомляетъ, что онъ ожидаетъ въ ближайшемъ времени прибытія въ Могилевъ вдовствующей Государыни.

Проходятъ три дня. 21-го въ половинѣ одиннадцатаго Государыня призываетъ меня и сообщаетъ, что являлся генералъ Корниловъ, увѣдомившій ее отъ имени временнаго правительства, что Государь и она объявлены подъ арестомъ и что лица не желающія находиться въ заключеніи должны покинуть дворецъ до 4-хъ часовъ. Я отвѣчаю, что желаю остаться.

— Государь возвращается завтра. Необходимо предупредить Алексѣя, надо все ему объяснить... Хотите взять это на себя? А я пойду говорить съ дѣвочками.

Она видимо страдаетъ при мысли о волненіи, которое она причинитъ больнымъ Великимъ Княжнамъ и которое можетъ ухудшить ихъ состояніе.

Я вхожу къ Алексѣю Николаевичу и говорю ему, что Государь завтра прибудетъ изъ Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что Вашъ батюшка не хочетъ больше быть верховнымъ главнокомандующимъ.

Это извѣстіе причиняетъ ему живое огорченіе, такъ какъ онъ любилъ ѣздить въ Ставку.

Черезъ нѣкоторое время я прибавляю:

— Знаете, Алексѣй Николаевичъ. Вашъ отецъ не желаетъ больше быть Государемъ.

Онъ смотритъ на меня удивленно, стараясь прочитать на моемъ лицѣ, что происходитъ.

— Какъ? Почему?

— Потому что онъ усталъ, и у него было много затрудненій въ послѣднее время.

— Ахъ да, мама говорила мнѣ, что его поѣздъ остановили, когда онъ ѣхалъ сюда. Но папа будетъ потомъ опять Государемъ?

Я объясняю ему, что Государь отрекся въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, который въ свою очередь отказался.

— Но кто же тогда будетъ Императоромъ?

— Не знаю; теперь, никто...

Ни одного слова о немъ, ни одного намека на его права Наслѣдника. Онъ покраснѣлъ и взволнованъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ говоритъ мнѣ:

— Но если нѣтъ Императора, кто же будетъ править Россіей?

Я объясняю ему, что образовалось временное правительство, которое займется государственными дѣлами до созыва Учредительнаго Собранія, и тогда, быть можетъ, взойдетъ на престолъ его дядя Михаилъ Александровичъ.

И снова я пораженъ скромностью этого дитяти, съ которой можетъ сравниться лишь его доброта.

Въ 4 часа дворецъ закрывается. Мы—узники! Сводный полкъ смѣненъ однимъ изъ полковъ царскосельскаго гарнизона, и солдаты, стоящіе на часахъ не охраняютъ насъ больше, но стерегутъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ВЪ ЦАРСКОЕ СЕЛО.

22-го въ 11 часовъ прибываетъ наконецъ Государь въ сопровожденіи гофмейстера князя Долгорукаго. Онъ тотчасъ же поднимается въ покой дѣтей, гдѣ его ожидаетъ Государыня.

Послѣ завтрака онъ входитъ въ спальную Алексѣя Николаевича, гдѣ нахожусь я въ это время, и привѣтствуетъ меня съ обычной своей простотой и благосклонностью. Но по его поблѣднѣвшему и похудѣвшему лицу видно, какъ онъ, съ своей стороны, страдалъ въ отсутствіи.

Возвращеніе Государя, несмотря на печальныя событія, было большимъ счастіемъ для семьи. Государыня, Марія Николаевна и другія дѣти такъ тревожились о его судьбѣ, когда узнали о положеніи вещей и такъ боялись за него до послѣдней минуты! Для нихъ было большимъ утѣшеніемъ собраться вновь вмѣстѣ послѣ столькихъ тяжкихъ испытаній. Имъ казалось, что горе ихъ облегчилось, и что безграничная любовь, которую они питаютъ другъ къ другу, придастъ имъ достаточно силъ, чтобы перенести всѣ страданія.

Какъ ни владѣлъ собою Государь, онъ не могъ скрыть глубокаго потрясенія, охватившаго его, но въ кругу привязанности своихъ близкихъ онъ быстро приходитъ въ себя. Онъ посвящалъ имъ большую часть дня, въ остальное время читая или прогуливаясь съ княземъ Долгорукимъ. Вначалѣ ему запретили доступъ въ паркъ, оставивъ лишь пользованіе небольшимъ садомъ, примыкающимъ ко дворцу, еще совершенно покрытымъ снѣгомъ и окруженнымъ цѣпью часовыхъ. Государь принималъ всѣ эти строгости съ замѣчательной невозмутимостью и душевнымъ величіемъ. Ни разу съ устъ его не сорвалось ни малѣйшаго упрека. Ибо имъ руководило чувство, могущественнѣйшее, даже, чѣмъ узы, соединявшіе его съ близкими: это любовь къ своей странѣ. Чувствовалось, что онъ готовъ все простить тѣмъ, кто причинялъ ему эти униженія, если только они способны будутъ спасти родину.

Государыня проводила почти все время лежа въ креслѣ въ покояхъ Великихъ Княженъ или Алексѣя Николаевича. Волненія и тревога исчерпали ея физическія силы, но съ возвращеніемъ Государя въ ней произошло великое нравственное умиротвореніе, и она жила напряженной внутренней жизнью, мало говоря, а, уступая, наконецъ, властной потребности въ покоѣ, давно сказывавшейся въ ней. Она была счастлива, не будучи больше вынуждена бороться и имѣя возможность всецѣло посвятить себя тѣмъ, кого она любила столь великой любовью. Одна только Марія Николаевна еще внушала ей безпокойство. Она заболѣла значительно позднѣе своихъ сестеръ, но болѣзнь ея осложнилась весьма злокачественнымъ воспаленіемъ легкихъ; организмъ ея, какъ онъ ни былъ крѣпокъ, съ трудомъ преодолѣвалъ болѣзнь. Въ этомъ слу-

чаѣ Великая Княжна была жертвой своего великодушія. Эта семнадцатилѣтняя молодая дѣвушка безъ счету растрачивала свои силы въ революціонные дни. Она была надежнѣйшей помощницей своей матери. Въ ночь 13-го марта она имѣла неосторожность вмѣстѣ съ Государыней выйти говорить съ солдатами на холодѣ, тогда какъ она уже чувствовала первые приступы нездоровья. Къ счастью, остальныя дѣти чувствовали себя лучше и находились на пути къ полному выздоровленію.

Наше заточеніе въ Царскомъ Селѣ не должно было затянуться на долгое время, и имѣлся въ виду переѣздъ нашъ въ Англію. Но дни проходили, а отъѣздъ безпрестанно откладывался. Временное правительство принуждено было считаться съ крайними элементами и чувствовало, что власть понемногу ускользаетъ изъ его рукъ. А между тѣмъ мы были всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ финляндской границы, и Петроградъ былъ единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ. Казалось бы, поэтому, что дѣйствуя рѣшительно и въ величайшей тайнѣ не трудно было бы дать возможность Императорской семьѣ пробраться до одного изъ финляндскихъ портовъ и вывезти ее за-границу. Но каждый боялся отвѣтственности, и никто не отваживался замѣшать себя. Злой рокъ попрежнему не дремалъ!

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ ЗАТОЧЕНІЯ.

Императорская семья оставалась въ Царскомъ Селѣ до августа 1917 года. Въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ узничества, проведенныхъ мною вмѣстѣ съ нею, я велъ дневникъ нашей общей жизни. Я могу привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ него.

Воскресенье 1-го апрѣля.—Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя значительно лучше, и мы пошли съ нимъ сегодня утромъ въ церковь, гдѣ уже находились Ихъ Величества, Великія Княжны Ольга и Татіана Николаевны и нѣсколько лицъ свиты, раздѣляющихъ наше заключеніе. Когда священникъ провозгласилъ прошеніе о дарованіи побѣды россійскому и союзному оружію, Государь и Государыня опустились на колѣна и всѣ присутствовавшіе послѣдовали ихъ примѣру.

Нѣсколько дней тому назадъ, выходя отъ Алексѣя Николаевича я встрѣтилъ съ десятокъ солдатъ, бродившихъ по корридору. Я подошелъ и спросилъ, что имъ нужно. «Мы хотимъ видѣть Наслѣдника.—Онъ лежитъ, его видѣть нельзя.—А другіе?—Они тоже нездоровы.—А гдѣ Царь?—Не знаю.—Онъ выйдетъ гулять?—Мнѣ это неизвѣстно. Ну, идите, не оставайтесь тутъ, не надо шумѣть, это тревожитъ больныхъ!». Они повернулись и вышли на цыпочкахъ, разговаривая шопотомъ. Такъ вотъ они, эти солдаты, которыхъ намъ описывали свирѣпыми революціонерами, ненавидящими своего бывшаго Императора!

Вторникъ 3-го апрѣля.—Сегодня впервые явился во дворецъ Керенскій. Онъ прошелъ черезъ всѣ покои и провѣрилъ посты, желая лично убѣдиться, что насъ хорошо стерегутъ. Передъ уходомъ у него былъ продолжительный разговоръ съ Государемъ и Государыней.

Среда 4-го апрѣля.—Государь подѣлился сегодня со мною глубокой грустью, испытываемой имъ при чтеніи газетъ. Армія разваливается; нѣтъ начальниковъ, нѣтъ дисциплины. Офицеры боятся своихъ солдатъ, и солдаты шпіонятъ за ними. Чувствуется, какъ сильно страдаетъ Государь отъ развала арміи, которую онъ такъ любитъ.

Воскресенье 8-го апрѣля.—Послѣ обѣдни Керенскій сообщилъ Государю, что онъ принужденъ отдѣлить Его отъ Государыни, что Государь долженъ будетъ жить отдѣльно и можетъ видѣться съ Ея Величествомъ лишь за столомъ и при условіи разговаривать исключительно по-русски. За чаемъ также можно быть вмѣстѣ, но въ присутствіи офицера, такъ какъ слугъ при этомъ нѣтъ.

Немного погодя, Государыня, крайне взволнованная, приближается ко мнѣ и говоритъ: «Поступать такъ съ Государемъ, сдѣлать ему такую гадость, послѣ того, какъ онъ пожертвовалъ собою и отрекся, дабы избѣжать гражданской войны,—какъ это дурно, какъ это мелко! Государь не желалъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго была пролита изъ-за Него. Онъ всегда былъ готовъ отказаться отъ всего, если бы Онъ только могъ быть увѣренъ, что это будетъ ко благу Россіи». И послѣ нѣкотораго молчанія она прибавила: «Да, надо перенести и эту страшную горечь».

Понедѣльникъ 9-го апрѣля.—Мнѣ стало извѣстно, что Керенскій имѣлъ сначала намѣреніе подвергнуть одиночному заключенію Государыню, но ему замѣтили, что будетъ глубоко безчеловѣчно разлучить мать съ больными дѣтьми, и тогда онъ рѣшилъ принять эту мѣру по отношенію къ Государю.

13-го апрѣля, страстная пятница.—Вечеромъ вся Царская Семья была у исповѣди.

Суббота 14-го апрѣля.—Утромъ, въ половинѣ десятаго, обѣдня и святое причастіе. Вечеромъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, всѣ собираются въ церкви на заутреню. Дворцовый комендантъ полковникъ Коровиченко, другъ Керенскаго, и три офицера караула тоже присутствуютъ! Служба продолжается до 2 часовъ, затѣмъ сборъ въ библіотечномъ залѣ для обмѣна пасхальными привѣтствіями. Государь, по русскому обычаю, христосуется со всѣми присутствующими мужчинами, въ томъ числѣ съ дворцовымъ комендантомъ и съ оставшимся при немъ караульнымъ офицеромъ. Я замѣчаю, что эти два человѣка не въ состояніи скрыть чувства растроганности при этомъ искреннемъ движеніи Государя. Всѣ затѣмъ разсаживаются вокругъ круглаго стола, накрытаго для розговенья. Ихъ Величества занимаютъ мѣста другъ противъ друга. Насъ семнадцать персонъ, въ томъ числѣ оба офицера. Отсутствуютъ Великія Княжны Ольга и Марія и Алексѣй Николаевичъ. Относительное оживленіе, царившее вначалѣ, быстро падаетъ, разговоръ замираетъ. Ея Величество въ особенности молчалива. Печаль это, или усталость?

Свѣтлое Воскресенье, 15-го апрѣля.—Сегодня въ первый разъ выходимъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ на террасу передъ дворцомъ. Дивный весенній день.

Въ 7 часовъ вечера богослуженіе на верху въ покояхъ дѣтей. Насъ всего около 15 молящихся. Я замѣтилъ, что Государь набожно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ при провозглашеніи россійскаго временнаго правительства.

На другой день по великолѣпной погодѣ мы прогуливаемся въ паркъ, куда намъ теперь разрѣшено выходить въ сопровожденіи караульныхъ офицеровъ и часовыхъ.

Съ цѣлью тѣлеснаго упражненія мы забавляемся отбиваніемъ льда съ шлюзовъ на плотинѣ пруда. Вскорѣ у рѣшетки парка собирается толпа солдатъ и штатскихъ и смотритъ, какъ мы работаемъ. Черезъ нѣкоторое время караульный офицеръ подходитъ къ Государю и говоритъ ему, что начальникъ царскосельскаго гарнизона опасается враждебной манифестаціи или даже покушенія на Царскую Семью и поэтому проситъ не оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся. Государь отвѣчаетъ, что Онъ не боится и что эти добрые люди ничуть не стѣсняютъ Его.

Пятница 20-го апрѣля.—Мы гуляемъ теперь регулярно два раза въ день: утромъ отъ 11 до 12 часовъ и во второй половинѣ дня отъ половины третьяго до 5 часовъ. Всѣ собираются въ полуциркульномъ залѣ и ждутъ, пока начальникъ караула не откроетъ дверей, выходящихъ въ паркъ. Мы выходимъ; дежурный офицеръ и солдаты слѣдуютъ за нами и оцѣпляютъ мѣсто, на которомъ мы останавливаемся для работы. Государыня и Великія Княжны Ольга и Марія Николаевна пока не выходятъ изъ комнаты.

Воскресенье 22-го апрѣля.—Запрещено ходить къ пруду. Мы должны оставаться около дворца, не переступая района, который намъ отведенъ. Мы замѣчаемъ издали сотни любопытныхъ, старающихся насъ разсмотрѣть.

Среда 25-го апрѣля.—Былъ Керенскій. Докторъ Боткинъ воспользовался его посѣщеніемъ и спросилъ, нельзя ли Царской Семьѣ переѣхать въ Ливадію, ввиду состоянія здоровья дѣтей. Керенскій отвѣчаетъ, что въ данный моментъ это совершенно невозможно. Затѣмъ онъ направляется къ Ихъ Величествамъ, гдѣ остается довольно долго. Керенскій держится съ Государемъ уже не такъ, какъ вначалѣ, и больше не принимаетъ позу носителя правосудія. Я убѣжденъ, что онъ начинаетъ понимать Государя и склоняться передъ Его нравственнымъ превосходствомъ, какъ это бываетъ со всѣми, кто къ Нему приближается.

Воскресенье 29 апрѣля.—Вечеромъ продолжительный разговоръ съ Ихъ Величествами относительно занятій съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Нужно найти какой-нибудь выходъ, ввиду того, что у насъ нѣтъ преподавателей! Государь беретъ на себя исторію и географію, Государыня—законъ Божій. Остальные предметы распредѣляются между баронессой Буксгевденъ (англійскій яз.), m-lle Шнейдеръ (ариѳметика), докторомъ Боткинымъ (русскій яз.) и мною*).

Вторникъ 1-го мая.—Россія впервые празднуетъ 1-е мая. До насъ доносятся звуки трубъ, и мы видимъ проходящія вдоль ограды парка длинныя процессіи манифестантовъ.

Четвергъ 3-го мая.—Государь разсказывалъ мнѣ, что въ послѣдніе дни приходятъ дурныя вѣсти. Крайнія партіи требуютъ, чтобы Франція и Англія заявили согласіе на «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Дезертировъ становится все больше и больше, и армія таетъ. Въ силахъ ли будетъ временное правительство продолжать войну?

Государь съ жгучимъ интересомъ ждетъ событій. Онъ въ тревогѣ, но надѣется, что страна опомнится и останется вѣрной союзникамъ.

ОГОРОДЪ ВЪ ПАРКѢ.

Воскресенье 13-го мая.—Мы уже второй день заняты раскапываніемъ подъ огородъ одной изъ лужаекъ парка. Мы начали съ расчистки дерна, глыбы котораго мы относимъ на носилкахъ и складываемъ въ кучу. Работаютъ всѣ: Царская Семья, мы и прислуга. Даже нѣкоторые солдаты караула приходятъ помогать намъ.

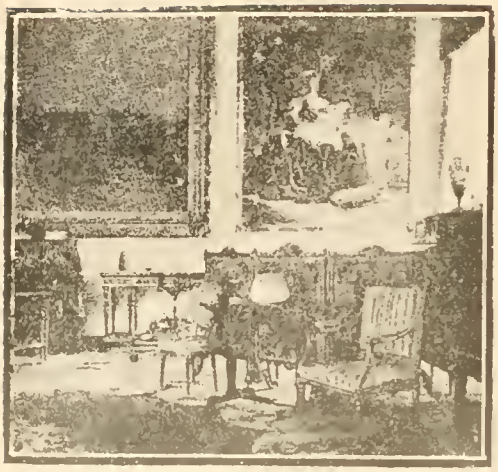
У Государя всѣ послѣдніе дни озабоченный видъ. Возвращаясь съ прогулки, Онъ сказалъ мнѣ: Рузскій, кажется, подалъ въ отставку. Онъ просилъ перейти въ наступленіе (нынче просятъ, не приказываютъ!); солдатскіе комитеты отказались. Если это вѣрно, это—конецъ! Какой позоръ! Обороняться и не наступать—вѣдь, это самоубійство! Мы дадимъ раздавить нашихъ союзниковъ, а за ними будетъ нашъ чередъ».

Понедѣльникъ 14-го мая.—Государь вернулся ко вчерашнему разговору и прибавилъ: «Что даетъ мнѣ нѣкоторую надежду, это то, что у насъ любятъ преувеличивать. Я не могу повѣрить, чтобы на фронтѣ армія была такой, какъ говорятъ; не можетъ быть, чтобы въ два мѣсяца она пала до такой степени».

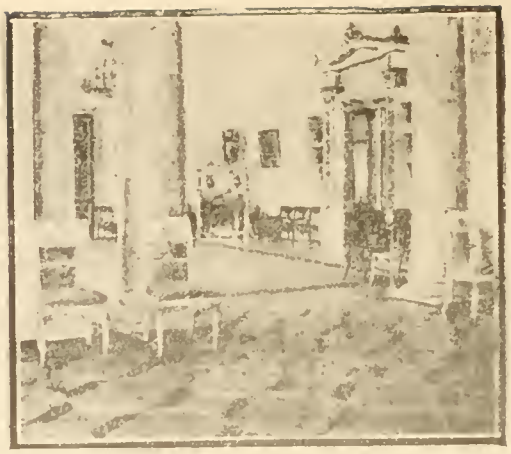
Суббота 19-го мая.—День рожденія Государя (49 лѣтъ), молебствіе, поздравленія.

Воскресенье 27-го мая.—Съ нѣкотораго времени намъ отпускается очень мало дровъ, во всѣхъ комнатахъ холодно. Оберъ-гофмейстерина Нарышкина заболѣла, и ее увезли сегодня, такъ какъ состояніе ея здоровья требуетъ ухода, котораго ей не могутъ дать здѣсь. Она въ отчаяніи, что покидаетъ насъ, ибо знаетъ, что ей больше не разрѣшатъ вернуться во дворецъ.

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что Наслѣдникъ-Цесаревичъ не получилъ до самой своей кончины ни одного урока нѣмецкаго яз.



Гостиная Государыни въ Алек-сьомъ дв рцѣ.

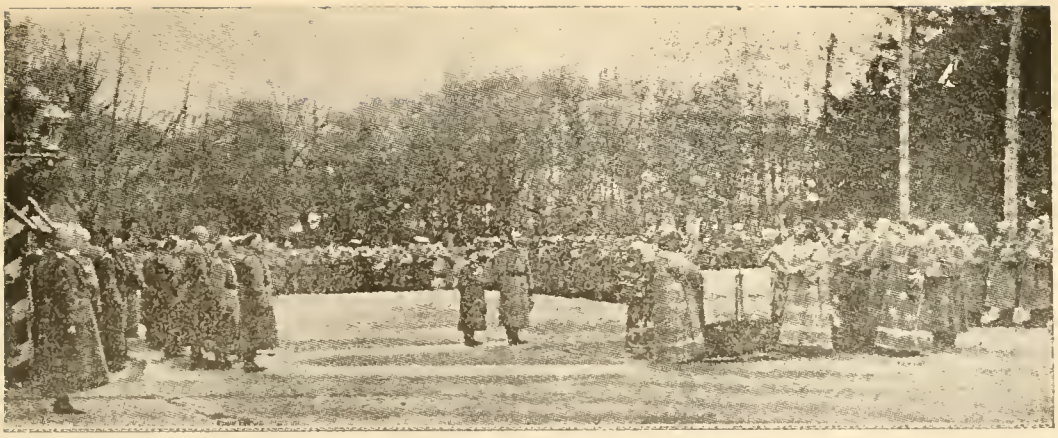


Залъ, гдѣ заключенные собирались на прогулку.

Великія Княжны.

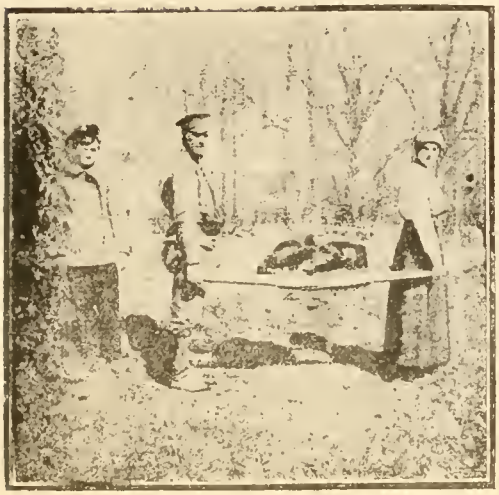
Отдыхъ Царской Семьи послѣ работъ.

Государь за работой въ паркѣ.



Государь Императоръ на смотру въ Могилевѣ.

Государь Императоръ расчищаетъ аллеи въ паркѣ.



Великая Княжна Татіана помагаетъ солдатамъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Татіана въ паркѣ окарауливаемомъ солдатами.

Суббота 2-го іюня.—Продолжаемъ ежедневно работать надъ огородомъ. Поливаемъ его изъ бочки, которую подкатываемъ по очереди.

Пятница 15-го іюня.—Недавно закончили огородъ, который вышелъ превосходнымъ. У насъ всѣ овощи, какіе только можно вообразить, и 500 качановъ капусты. Прислуга въ свою очередь развела огородъ по другую сторону дворца, гдѣ они могутъ воздѣлывать, что хотятъ. Мы приходили помогать имъ, и Государь также.

Такъ какъ мы окончили огородныя работы, то чтобы занять наши досуги, испросили разрѣшенія рубить сухія деревья въ паркѣ. Мы переходимъ отъ одного дерева къ другому, и караулъ перемѣщается за нами. Мы становимся довольно ловкими дровосѣками. Это дастъ намъ запасъ дровъ на будущую зиму!

Воскресенье 24-го іюня.—Дни текутъ похожіе одинъ на другой, распредѣляясь между уроками и прогулками. Государь утромъ разсказалъ мнѣ довольно потѣшный случай, нарушившій однообразіе нашего узничества.

Вчера вечеромъ онъ читалъ вслухъ въ красной гостиной, гдѣ находились Государыня и Великія Княжны. Вдругъ, къ 11 часамъ входитъ слуга, очень разстроенный, и докладываетъ, что начальникъ караула проситъ немедленно быть допущеннымъ къ Государю. Послѣдній, полагая, что произошли какія-нибудь важныя событія въ Петроградѣ,—ожидалась вооруженная манифестація большевиковъ противъ временнаго правительства,—приказываетъ принимать. Входитъ офицеръ съ двумя унтеръ-офицерами. Онъ объясняетъ, что былъ привлеченъ выстрѣломъ часового, замѣтившаго зеленые и красные сигналы, исходившіе изъ гостиной, въ которой находится Царская Семья. Общее изумленіе. Что за сигналы? Что это значитъ? Государыня и Великія Княжны въ крайнемъ волненіи. Офицеръ приказываетъ наглухо закрывать занавѣсы—а жара удушающая!—и собирается удалиться. Въ эту минуту выступаетъ одинъ изъ сопровождающихъ его унтеръ-офицеровъ и даетъ объясненіе загадки. Великая Княжна Анастасія Николаевна сидѣла на подоконникѣ и рукодѣльничала. Это она, нагибаясь къ столу за разными мелочами для своей работы, открывала поочередно каждую изъ двухъ лампъ, съ зеленымъ и съ краснымъ абажуромъ, у которыхъ Государь читалъ. Офицеръ удаляется въ смущеніи.

Понедѣльникъ 2-го іюля.—Мы узнаемъ, что въ Тарнопольскомъ направленіи предпринято наступленіе, развивающееся успѣшно.

Вторникъ 3-го іюля.—Молебенъ по случаю событій на фронтѣ, повидимому, имѣющихъ увѣнчаться большой побѣдой. Государь, сіяя, приноситъ Алексѣю Николаевичу вечернія газеты и читаетъ ему сообщенія Штаба.

Воскресенье 15-го іюля.—Въ нашемъ заключеніи ничего новаго. Единственнымъ развлеченіемъ служатъ прогулки. Погода очень жаркая, и уже нѣсколько дней, какъ Алексѣй Николаевичъ купается въ пруду, омывающемъ дѣтскій островъ. Это большая радость для него.

ОТЪѢЗДЪ.

Четвергъ 9-го августа.—Я узнаю, что временное правительство постановило перевезти Царскую Семью. Мѣсто назначенія держится въ тайнѣ. Мы всѣ надѣемся, что это будетъ Крымъ.

Суббота 11-го августа.—Насъ предупредили, чтобы мы запаслись большимъ количествомъ теплой одежды. Значитъ, насъ направляютъ не на югъ! Крайнее разочарованіе.

Воскресенье 12 августа (30-го іюля ст. ст.).—День рожденія Алексѣя Николаевича (13 лѣтъ). По просьбѣ Государыни, принесли чудотворную икону Божіей Матери изъ Знаменской церкви. Обѣдня. Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Полковникъ Кобылинскій (смѣнившій въ іюнѣ полковника Коровиченко

въ должности дворцоваго коменданта) подъ большимъ секретомъ сообщаетъ мнѣ, что насъ везутъ въ Тобольскъ.

Понедѣльникъ 13-го августа.—Мы должны быть готовы къ 12 часамъ ночи, такъ объявлено намъ; поѣздъ заказанъ на часъ ночи. Послѣдніе сборы. Прощальное посѣщеніе дѣтскаго острова, огорода и пр. Къ часу ночи всѣ въ сборѣ въ полуциркульномъ залѣ, заваленномъ багажомъ. Пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ съ Керенскимъ и имѣлъ бесѣду съ Государемъ, который былъ счастливъ увидѣться съ братомъ передъ отъѣздомъ. Назначенный для насъ поѣздъ еще не прибылъ. Кажется, возникли осложненія съ желѣзнодорожниками петроградскаго узла, которые подозрѣваютъ, что поѣздъ предназначается для Царской Семьи. Проходятъ часы въ ожиданіи, становящемся все болѣе утомительнымъ. Можно ли будетъ намъ уѣхать? Это дѣлается сомнительнымъ. (Инцидентъ этотъ обнаруживаетъ безсиліе правительства). Наконецъ, къ 5 часамъ намъ сообщаютъ, что все готово. Мы прощаемся съ сотоварищами по заключенію, которые не могутъ ѣхать съ нами. У всѣхъ сжимается сердце при разставаніи съ Царскимъ Селомъ, съ которымъ связано столько воспоминаній, и этотъ отъѣздъ въ неизвѣстность пронизанъ глубокой грустью. Въ тотъ моментъ, когда увозящіе насъ автомобили выѣзжаютъ изъ парка, насъ окружаетъ отрядъ кавалеріи, эскортирующій насъ до маленькой станціи Александровки. Мы занимаемъ мѣста въ вагонахъ, вполнѣ комфортабельныхъ. Проходитъ полчаса, поѣздъ медленно приходитъ въ движеніе. На часахъ безъ десяти минутъ шесть.

ГЛАВА IV.

ССЫЛКА ВЪ СИБИРЬ И ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Какія соображенія побудили совѣтъ министровъ перевезти царскую семью въ Тобольскъ? Это трудно опредѣлить. Керенскій, объявляя Императору объ этомъ переѣздѣ, сослался на необходимость его ввиду того, что временное правительство рѣшило принять энергичныя мѣры противъ большевиковъ; это повлечетъ за собой рядъ смутъ и вооруженныхъ столкновеній, жертвой которыхъ можетъ прежде всего стать Императорская семья; поэтому онъ считаетъ долгомъ оградить ее отъ ожидаемыхъ событій. Другіе, напротивъ, видѣли въ этомъ уступку крайнимъ лѣвымъ, которые, встревожившись зарождающимся въ арміи движеніемъ въ пользу Императора, требовали ссылки его въ Сибирь. Какъ бы то ни было, путешествіе Царской Семьи отъ Царскаго Села до Тобольска свершилось благополучно безъ заслуживающихъ вниманіе происшествій.

Выѣхавши 14 августа въ 6 часовъ утра, мы вечеромъ 17-го прибыли въ Тюмень,—ближайшую къ Тобольску желѣзно-дорожную станцію,—и черезъ нѣсколько часовъ посадились на пароходъ „Русь“.

На другой день мы проходили мимо деревни, въ которой родился Распутинъ, и Царская семья, собравшись на палубѣ, имѣла возможность разсмотрѣть домъ «старца», отчетливо выдѣлявшійся между избъ. Въ этомъ событіи не было ничего для нея неожиданнаго, такъ какъ Распутинъ заранѣе предсказалъ, что это случится, и стеченіе обстоятельствъ какъ бы лишній разъ подтвердило его пророческія слова.

Къ вечеру 19-го неожиданно показались за излучиной рѣки, красивыя очертанія Тобольска, и немого спустя мы прибыли по назначенію.

УСТРОЙСТВО НА НОВОМЪ МѢСТѢ.

Такъ какъ предназначенный для насъ домъ еще не былъ приготовленъ, мы были вынуждены оставаться нѣсколько дней на пароходѣ и лишь 26 августа въѣхали въ новую резиденцію.

Царская семья занимала весь первый этажъ обширнаго и комфортабельнаго губернаторскаго дома. Свита помѣщалась въ домѣ Корнилова (богатаго тобольскаго купца), находившемся на другой сторонѣ улицы, почти напротивъ. Караулъ несли солдаты Царскосельскаго гарнизона (прежніе гвардейскіе стрѣлки), которые слѣдовали съ нами въ пути. Командовалъ ими полковникъ Кобылинскій, человѣкъ сердечный и искренне привязанный къ тѣмъ, кого ему поручено было охранять. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы облегчить ихъ положеніе.

Вначалѣ условія нашего заточенія не отличались особенно отъ Царскосельскихъ, и у насъ было все необходимое. Императоръ и Государевы дѣти страдали, однако, отъ недостатка простора. Дѣйствительно, для прогулокъ имъ былъ отведенъ лишь очень небольшой огородъ и дворъ, образованный изъ окруженной изгородью, широкой и малолюдной улицы, примыкавшей къ дому съ юго-восточной стороны. Этого было весьма недостаточно, и сверхъ того постоянно на глазахъ солдатъ, казарма которыхъ возвышалась надъ всѣмъ отведеннымъ намъ пространствомъ. Лица свиты и слуги были, напротивъ, болѣе свободны, чѣмъ въ Царскомъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, и могли отлучаться въ городъ и ближайшія окрестности.

Въ сентябрѣ въ Тобольскъ прибылъ присланный Керенскимъ комиссаръ Панкратовъ. Его сопровождалъ въ качествѣ помощника Никольскій, также какъ и онъ бывшій политическій ссыльный. Панкратовъ былъ человѣкъ довольно образованный, мягкій, типъ мечтателя-фанатика. Онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Государя и, впослѣдствіи, привязался къ Государевымъ дѣтямъ. Но Никольскій представлялъ собою грубое животное, и держалъ себя возмутительно. Ограниченный и упрямый, онъ изощрялся каждый день въ новыхъ притѣсненіяхъ. Тотчасъ же по прибытіи онъ потребовалъ отъ полковника Кобылинскаго, чтобы мы были сфотографированы. Когда полковникъ возразилъ ему, что это излишне, такъ какъ всѣ солдаты насъ знаютъ еще съ Царскаго Села, онъ отвѣтилъ: «Насъ раньше заставляли, теперь ихъ чередъ». Пришлось пройти черезъ это, и намъ были выданы удостовѣренія личности съ фотографіями и за нумеромъ.

Церковныя службы происходили сначала въ домѣ, въ большомъ залѣ перваго этажа. Священникъ Благовѣщенской церкви, діаконъ и четыре монахини Ивановскаго монастыря были допущены совершать богослуженіе. Но божественную литургію исправлять было нельзя за отсутствіемъ освященнаго алтаря. Это было большимъ лишеніемъ для Царской семьи. Наконецъ 21 сентября, по случаю Рождества Богородицы, впервые было разрѣшено заключеннымъ отправиться въ церковь. Это доставило имъ большую радость, но не часто суждено имъ было имѣть это утѣшеніе. Въ такіе дни поднимались спозаранку, и когда всѣ оказывались въ сборѣ, выходили черезъ калитку въ общественный садъ, который пересѣкали между двухъ шпалеръ солдатъ. Мы всегда стояли лишь у ранней обѣдни, почти одни въ этой церкви, едва освѣщенной нѣсколькими свѣчами; посторонніе ни въ коемъ случаѣ не допускались. Мнѣ часто случалось видѣть, на пути туда или обратно, людей осѣнявшихъ себя крестнымъ знаменіемъ и падавшихъ на колѣни при проходѣ Ихъ Величествъ. Вообще жители Тобольска оставались очень преданными Императорской семьѣ, и нашимъ караульнымъ часто приходилось разгонять прохожихъ, останавливавшихся подъ окнами или обнажавшихъ головы и осѣнявшихъ себя крестомъ, когда поравняются съ домомъ.

МИРНАЯ СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА.

Между тѣмъ наша жизнь налаживалась понемногу, и мы, собравшись силами каждый, возобновили занятія съ Цесаревичемъ и двумя младшими Великими Княжнами. Уроки начинались въ 9 часовъ и прерывались въ 11 часовъ для прогулки, въ которой всегда принималъ участіе Государь. Такъ какъ классной комнаты не было, то занятія происходили въ большомъ залѣ перваго этажа, у Алексѣя Николаевича и, наконецъ, въ моей комнатѣ,—я жилъ въ партерномъ этажѣ въ бывшемъ кабинетѣ губернатора. Въ часъ всѣ собирались къ завтраку. Государыня, однако, когда чувствовала себя нехорошо, часто кушала у себя съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Къ 2 часамъ мы снова выходили и оставались на прогулкѣ или за играми до 4 часовъ.

Когда дни сдѣлались холоднѣе, у насъ стало обыкновеніемъ подниматься на крышу оранжереи въ поискахъ за рѣдкими лучами солнца. Мы поставили даже двѣ простыхъ скамьи, и тамъ, въ теченіе всей зимы и ранней весною, проводили лучшіе наши часы.

Государь сильно страдалъ отъ отсутствія физическихъ упражненій. Полковникъ Кобылинскій, которому Онъ на это пожаловался, приказалъ привезти березовые стволы, купилъ пилы и топоры, и мы занялись заготовкой дровъ для кухни и для печей. Это было первѣйшимъ нашимъ развлеченіемъ на вольномъ воздухѣ во время нашего заточенія въ Тобольскѣ; даже Великія Княжны пристрастились къ этому новому спорту.

Послѣ чая уроки возобновлялись и оканчивались къ половинѣ седьмого. Часъ спустя обѣдали и затѣмъ поднимались въ большой залъ пить кофе. Всѣ мы получили приглашеніе проводить наши вечера вмѣстѣ съ Царской Семьей, и для многихъ изъ насъ это стало обычаемъ. Мы придумывали игры и изощрялись въ изобрѣтеніи развлеченій, чтобы нарушить однообразіе нашего заключенія. Когда настали сильные холода и большой залъ сдѣлался необитаемъ, мы находили убѣжище въ сосѣдней гостиной Ея Величества, единственной поистинѣ комфортабельной комнатѣ во всемъ домѣ. Государь часто читалъ вслухъ, между тѣмъ какъ Великія Княжны рукодѣльничали или играли съ нами. Государыня обычно играла одну или двѣ партіи въ безикъ съ генераломъ Татищевымъ, затѣмъ бралась въ свою очередь за какую-нибудь ручную работу или отдыхала въ креслѣ. Въ этой мирной семейной обстановкѣ мы проводили долгіе зимніе вечера, какъ-бы затерянные въ безпредѣльности далекой Сибири.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УХУДШАЕТСЯ.

Однимъ изъ самыхъ большихъ лишеній во время нашего заключенія въ Тобольскѣ было почти полное отсутствіе извѣстій. Письма приходили очень неаккуратно и съ большимъ опозданіемъ. Что касается газетъ, то мы ограничивались ничтожнымъ мѣстнымъ листкомъ, напечатаннымъ на оберточной бумагѣ, который содержалъ однѣ лишь телеграммы, устарѣлыя за много дней и чаще всего искаженныя и урѣзанныя. Государь, однако, съ стѣсненнымъ сердцемъ слѣдилъ за событіями, разворачивавшимися въ Россіи. Онъ понималъ, что страна была увлекаема къ гибели. На короткое время надежда вернулась къ Нему, когда генералъ Корниловъ предложилъ Керенскому походъ на Петроградъ, чтобы положить конецъ большевистской агитаціи, становившейся все болѣе угрожающей. Скорбь его была безпредѣльна, когда Онъ увидѣлъ, что временное правительство отклонило эту послѣднюю возможность спасенія. По Его мнѣнію, это былъ единственный, быть можетъ, способъ избѣгнуть нависшей катастрофы. Я впервые услышалъ изъ Его устъ сожалѣніе въ томъ, что Онъ отрекся. Онъ принялъ тогда это рѣшеніе въ надеждѣ, что тѣ, кто этого желалъ, будутъ въ состояніи довести благополучно войну и спасти Россію. Онъ боялся, что сопротивленіемъ Онъ подастъ поводъ къ гражданской войнѣ передъ лицомъ непріятеля, и не желалъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго была пролита изъ-за Него. Но за Его устраненіемъ не послѣдовало ли въ ближайшемъ времени появленіе Ленина и его сподвижниковъ, подкупленныхъ агентовъ Германіи, преступная пропаганда которыхъ разрушила армію и развратила страну? Онъ страдалъ теперь, видя, что Его отреченіе было безполезно, и что имѣя ввиду лишь благо родины, Онъ въ дѣйствительности повредилъ ей своимъ удаленіемъ. Эта мысль все чаще приходила Ему на умъ и стала впослѣдствіи причиной крайняго душевнаго смятенія.

Къ 15 ноября мы узнали, что временное правительство свергнуто и что большевики захватили власть. Но это обстоятельство не отразилось непосредственно на нашей жизни, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ мы увидимъ, на насъ было обращено вниманіе.

Недѣли проходили, и доходившія до насъ вѣсти становились все мрачнѣе. Намъ было, впрочемъ, очень трудно слѣдить за событіями и оцѣнивать ихъ значеніе, такъ какъ данныя, которыми мы располагали, не давали возможности ни уяснять причины, ни выводить послѣдствія. Мы были такъ далеки отъ всего, такъ всецѣло оторваны отъ всего міра! И если намъ удавалось еще узнавать кое-что изъ происходившаго въ Россіи, то ужъ почти ничего не знали о Европѣ.

БОЛЬШЕВИЗМЪ ПРОНИКАЕТЪ ВЪ НАШУ СТРАЖУ.

Между тѣмъ большевистскія ученія начали свою разрушительную работу въ средѣ охранявшаго насъ отряда, который до того довольно твердо противостоялъ заразѣ. Составъ его былъ весьма разнообразный: солдаты 1-го и 4-го полковъ были въ большинствѣ очень расположены къ Царской семьѣ и въ особенности къ дѣтямъ. Великія Княжны, съ той простотой, которая составляла ихъ очарованіе, любили разговаривать съ этими людьми, которыхъ онѣ чувствовали привязанными, какъ онѣ, къ прошлому, разспрашивали о ихъ семьяхъ, о ихъ деревняхъ, о бояхъ, въ которыхъ они принимали участіе въ великую войну. Алексѣй Николаевичъ, оставшійся для нихъ Наслѣдникомъ, также покорилъ ихъ сердца, и они старались сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе или доставить развлеченіе. Одна рота 4-го полка, состоявшая почти исключительно изъ солдатъ старыхъ призывовъ, особенно отличалась своей преданностью, и для Царской семьи всегда было радостью, когда появлялись вновь эти добрые люди. Въ эти дни Государь и дѣти отправлялись потихоньку въ караульню, бесѣдовали или играли въ шашки съ солдатами, и никогда ни одинъ изъ нихъ не отступалъ отъ самой строгой корректности. Такъ засталъ ихъ однажды комиссаръ Панкратовъ, который остановился въ остолбенѣніи на порогѣ, разглядывая сквозь очки это неожиданное зрѣлище. Государь, видя его смущеніе, сдѣлалъ ему знакъ присѣсть къ столу. Но комиссаръ, повидимому, чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ: онъ пробормоталъ нѣсколько неразборчивыхъ словъ и повернувшись вышелъ, совершенно озадаченный.

Панкратовъ, какъ я уже сказалъ, былъ фанатикъ начиненный гуманитарными идеями; онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ. Какъ только онъ прибылъ, онъ организовалъ лекціи для солдатъ, пріобщая ихъ къ либеральнымъ ученіямъ и стараясь развить ихъ патріотизмъ и гражданское сознаніе. Но его усилія обратились противъ него. Убѣжденный противникъ большевизма, онъ на дѣлѣ лишь подготовлялъ для него почву и содѣйствовалъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, успѣху этихъ идей. Ему суждено было, какъ увидимъ, первому стать ихъ жертвой.

Солдаты 2-го полка съ самаго начала проявляли революціонныя настроенія; еще въ Царскомъ Селѣ они причиняли намъ много непріятностей. Большевистскій переворотъ придалъ имъ силы и смѣлости; они настояли на образованіи солдатскаго комитета, который стремился внести въ нашъ режимъ новыя стѣсненія и отобрать постепенно отъ полковника Кобылинскаго власть въ свои руки. Мы видѣли доказательство его злонамѣренности по случаю пріѣзда баронессы Буксгевденъ (конецъ декабря). Она раздѣляла наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ и только состояніе ея здоровья помѣшало ей поѣхать съ нами. Едва оправившись она, съ разрѣшенія Керенскаго, присоединилась къ Ихъ Величествамъ. Солдатскій комитетъ рѣшительно отказалъ впустить ее въ домъ, и она должна была поселиться въ городѣ. Это причинило живое огорченіе императрицѣ и всей семьѣ, которая ожидала ея прибытія съ большимъ нетерпѣніемъ.

Такимъ образомъ мы прожили до Рождества.

Государыня и Великія Княжны приготовили собственноручно, въ теченіи многихъ недѣль, подарки каждому изъ насъ и каждому изъ слугъ. Ея Величество роздала нѣсколько шерстяныхъ жилетовъ, связанныхъ ею: такъ, трогательными знаками вниманія, она старалась засвидѣтельствовать свою благодарность тѣмъ, кто оставался вѣренъ.

24-го декабря въ домъ прибылъ священникъ служить вечерню; всѣ собрались затѣмъ въ большомъ залѣ, и велика была радость царскихъ дѣтей, когда они предлагали намъ предназначенные каждому сюрпризы. Чувствовалось, что всѣ мы составляли одну большую семью; каждый старался забыть

печали и заботы настоящаго дня и насладиться, безъ всякой скрытой мысли, въ сердечномъ общеніи, этими минутами безмятежнаго уюта.

На другой день мы отправились въ церковь. По приказанію священника, діаконъ провозгласилъ многолѣтіе. Эта неосторожность не могла не навлечь репрессіи. Солдаты, угрожая смертью, потребовали отставки священника. Это омрачило доброе воспоминаніе, которое могло бы остаться отъ этого дня.

ПРИТѢСНЕНІЯ УВЕЛИЧИВАЮТСЯ.

Съ 1/14 января 1918 г. я возобновилъ мой дневникъ, прерванный съ нашимъ пріѣздомъ въ Тобольскъ. Я приведу нѣкоторыя выдержки изъ него, какъ я это уже дѣлалъ при описаніи нашего заключенія въ Царскомъ Селѣ.

Понедѣльникъ 14 января (1-го января ст. ст.).—Сегодня утромъ мы были въ церкви. Служилъ новый священникъ. въ первый разъ. Отецъ же Васильевъ (виновникъ описаннаго выше инцидента) сосланъ архіепископомъ Гермогеномъ въ Абалатскій монастырь.

Среда 16 января.—Въ два часа было собраніе солдатскаго комитета нашего гарнизона. Вынесено постановленіе, большинствомъ 100 голосовъ противъ 85, снять погоны съ солдатъ и съ офицеровъ.

Четвергъ 17 января.—Полковникъ Кобылинскій приходилъ сегодня въ штатскомъ, настолько ему претитъ носить офицерскую форму безъ погонъ.

Пятница 18 января.—Въ 3 часа приходилъ священникъ и пѣвчіе*). Сегодня водоосвященіе. Новый священникъ впервые совершалъ богослуженіе въ домѣ. Когда дошла очередь до Алексѣя Николаевича цѣловать крестъ, священникъ наклонился и поцѣловалъ его въ голову. Послѣ обѣда генералъ Татищевъ и князь Долгорукій приблизились къ Государю и умоляли Его снять погоны, дабы избѣжать рѣзкихъ демонстрацій со стороны солдатъ. Чувствуется взрывъ негодованія у Императора, затѣмъ Онъ обмѣнивается взглядомъ и нѣсколькими словами съ Государыней; онъ овладѣваетъ собой и подчиняется для спасенія своихъ.

Суббота 19 января.—Утромъ были въ церкви. Государь надѣлъ черкеску, которая всегда носится безъ погонъ. Алексѣй же Николаевичъ спряталъ свои погоны подъ башлыкъ. Государыня сказала мнѣ сегодня, что Государь и Она приглашаютъ меня впредь оставаться къ вечернему чаю**). Поэтому я не удалился, когда въ 10 часовъ. Великія Княжны ушли къ себѣ. (Алексѣй Николаевичъ ложился всегда въ 9 часовъ).

(Ихъ Величества обыкновенно удерживали къ чаю, въ болѣе тѣсномъ кругу, графиню Гендрикову, генерала Татищева, князя Долгорукаго и, когда позволяли ихъ служебныя обязанности, m-lle Шнейдеръ и д-ра Боткина. Эти часы, проведенные въ интимной непринужденности. дали мнѣ возможность узнать, съ чувствомъ глубокой растроганности. все душевное величіе и безграничную доброту Государя и Государыни).

Понедѣльникъ 21 января.—Ночью выпалъ глубокій снѣгъ. Мы начали постройку ледяной горки.

Пятница 25 января (12 января ст. ст.).—Тезоименитство Татіаны Николаевны. Молебствіе дома. Ясный и солнечный зимній день,—15° R. Мы по-прежнему продолжали постройку ледяной горки, караульные солдаты приходили помогать намъ.

Среда 30 января.—Нынче на караулѣ хорошая рота 4-го полка. Государь и Дѣти ходили въ караульню играть съ солдатами.

*) Четыре монахини, приходившія пѣть вначалѣ, были замѣнены хоромъ одной изъ Тобольскихъ церквей.

**) Я нынче единственный оставшійся въ живыхъ изъ тѣхъ, кто участвовалъ въ тобольскихъ вечернихъ чаепитіяхъ.

Суббота 2 февраля.—Князь Долгорукій и я поливали ледяную горку. Мы принесли 30 ведеръ. Было такъ морозно (—23° R.), что вода замерзала пока мы доносили ее отъ кухоннаго крана до горки. Ведра и горка дымились. Завтра же дѣти могутъ начать кататься.

Понедѣльникъ 3 февраля.—Нынче ночью, говорятъ, градусникъ опустился на —30° по Реомюру (37° центиградусовъ). Страшный вѣтеръ. Спальная Великихъ Княженъ (онѣ всѣ четверо спятъ въ одной комнатѣ) настоящій ледникъ.

Среда 6 февраля.—По почину 2-го полка солдаты, кажется, потребовали удаленія комиссара Панкратова и его помощника Никольскаго.

Пятница 8 февраля.—Сегодня послѣ обѣда солдаты на собраніи постановили замѣстить комиссара Панкратова большевистскимъ комиссаромъ, который будетъ вызванъ изъ Москвы. Дѣла становятся все хуже. Повидимому состояніе войны между Россіей, съ одной стороны, и Германіей, Австро-Венгріей и Болгаріей, съ другой стороны, прекратилось. Армія распущена, но миръ еще не подписанъ Ленинымъ и Троцкимъ.

Среда 13 февраля.—Государь сообщилъ мнѣ, что ввиду демобилизаціи арміи, многія возрастныя категоріи отпущены. Всѣ старые солдаты (лучшіе), значитъ, покинутъ насъ. Государь повидимому очень обезпокоенъ этой перспективой: перемѣна можетъ имѣть для насъ очень тягостныя послѣдствія.

Пятница 15 февраля.—Многіе солдаты уже разошлись. Они приходили тайкомъ проститься съ Государемъ и съ Царской семьей. За вечернимъ чаемъ генералъ Татищевъ, съ откровенностью, допускаемой обстоятельствами, выразилъ удивленіе, которое онъ испыталъ, когда убѣдился, насколько семейная жизнь, объединяющая Государя, Государыню и Ихъ дѣтей, полна уюта и любовной привязанности. Государь съ улыбкой переглянулся съ Государыней. «Слышишь, сказалъ онъ, что говоритъ Татищевъ?». Затѣмъ, съ обычной своей добротой, оттѣненной легкой ноткой иронiи, онъ прибавилъ: «Если вы, Татищевъ, бывшій моимъ генералъ-адъютантомъ и имѣвшій столько случаевъ быть освѣдомленнымъ, такъ плохо знали насъ, какъ же вы хотите, чтобы мы съ Государыней принимали къ сердцу то, что говорятъ о насъ газеты?».

Среда 20 февраля.—Государь сообщилъ мнѣ, что нѣмцы заняли Ревель, Ровно и пр. и продолжаютъ продвигаться на всемъ фронтѣ. Онъ замѣтно былъ глубоко огорченъ.

СТРОГІЙ РЕЖИМЪ.

Понедѣльникъ 25 февраля.—Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, увѣдомляющую его, что съ 1 марта „Николай Романовъ и его домашніе должны быть переведены на с о л д а т с к і й п а е к ъ, и что каждый членъ семьи будетъ получать 600 рублей въ мѣсяцъ, изъ доходовъ отъ ихъ личнаго имущества". До сихъ поръ всѣ расходы оплачивались казной. Придется содержать весь домъ на 4.200 рублей въ мѣсяцъ.

Вторникъ 26 февраля.—Ея Величество попросила меня помочь ей вести счета и установить смѣту расходовъ семьи. У нея остаются кое-какія сбереженія отъ суммъ, отпускавшихся на ея гардеробъ.

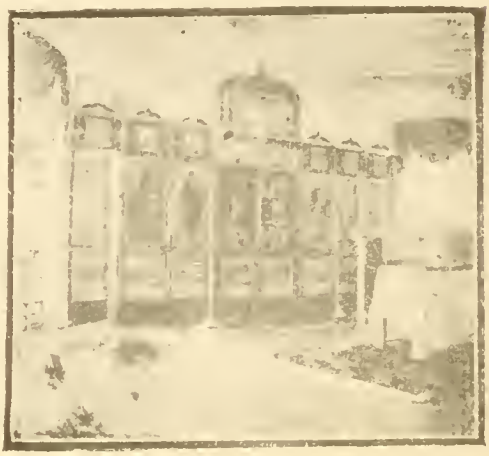
Среда 27 февраля—Государь шутя объявилъ намъ, что разъ всѣ организуютъ комитеты, онъ тоже назначаетъ комиссію для завѣдыванія дѣлами нашей общины. Въ составъ ея войдутъ генералъ Татищевъ, князь Долгорукій и я. Мы засѣдали нынче днемъ и пришли къ заключенію, что необходимо уменьшить дворню. Это было очень тяжело: приходилось отпустить 10 слугъ, у большинства которыхъ семьи находились въ Тобольскѣ. Когда мы сообщили объ этомъ Ихъ Величествамъ, на Ихъ лицахъ отразилось живѣйшее огорченіе: придется разстаться со слугами, самая преданность которыхъ, приведетъ ихъ къ нуждѣ.

Рабочая [illegible].

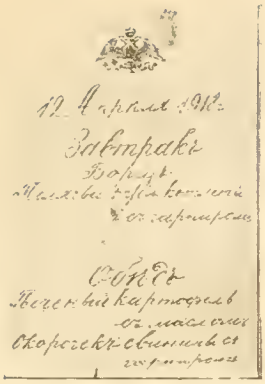
Спальня Государыни. Будуаръ.

Домъ Тобольскаго губернатора, гдѣ была заключена Царская Семья.

Спальня Великихъ Княженъ.



Домовая церковь.



Послѣднее меню въ Тобольскѣ.

У параднаго подъѣзда.

Монастырь въ окрестностяхъ Тобольска.

Великая Княжна Татіана.

Пароходъ „Русь", на которомъ Царская Семья прибыла въ Тобольскъ.

Государь за пилкой дровъ.

Пятница 1 марта.—Начало новаго режима. Отнынѣ масло и кофе исключены изъ нашего стола, какъ предметы роскоши.

Понедѣльникъ 4 марта.—Солдатскій комитетъ постановилъ разрушить ледяную горку, которую мы построили (это было такимъ развлеченіемъ для дѣтей!), потому что Государь и Государыня поднялись на нее, чтобы присутствовать при отъѣздѣ солдатъ 4-го полка. Ежедневно теперь новыя притѣсненія сыпятся на лицъ свиты, а также и на Семью. Уже давно мы можемъ выходить лишь въ сопровожденіи солдата; но весьма вѣроятно, что и эта послѣдняя свобода у насъ будетъ отнята.

Вторникъ 5 марта.—Свершилось: солдаты пришли вчера ночью, какъ злодѣи (ибо они прекрасно чувствовали, что совершаютъ гнусность), и разбили ледяную горку заступами. Дѣти въ отчаяніи.

Пятница 15 марта.—Жители города, узнавъ о нашемъ положеніи, доставляютъ намъ разными способами яйца, сласти, пироги.

Воскресенье 17 марта.—Сегодня масленица. Всѣ ликуютъ. Санки мчатся мимо нашихъ оконъ: бубенчики, колокольчики, гармоники, пѣсни... Дѣти начинаютъ скучать; они бродятъ во дворѣ, огороженномъ высокимъ глухимъ заборомъ. Послѣ того, какъ ихъ горка была разрушена, ихъ единственное развлеченіе—пилить и колоть дрова. Грубость солдатъ превосходитъ все, что можно себѣ представить: ушедшихъ солдатъ замѣнили молодыми людьми съ хулиганской повадкой.

Ихъ Величества, несмотря на со дня на день увеличивающуюся тревогу, хранятъ надежду, что найдется среди вѣрныхъ имъ людей кто-нибудь, кто попытается ихъ освободить. Никогда обстоятельства не были такъ благопріятны для бѣгства, ибо представителя большевистскаго правительства еще нѣтъ въ Тобольскѣ. Было бы легко, съ соучастіемъ полковника Кобылинскаго, заранѣе склоненнаго на нашу сторону, обмануть бдительность, въ одно и то же время наглую и небрежную, нашихъ стражей. Было бы достаточно нѣсколькихъ энергичныхъ людей, которые бы извнѣ повели дѣло систематично и рѣшительно. Мы нѣсколько разъ настаивали передъ Государемъ, чтобы всѣ были готовы ко всякимъ неожиданностямъ. Онъ поставилъ два условія, которыя очень усложняютъ дѣло: онъ не допускаетъ ни разлуки съ семьей, ни выѣзда за предѣлы россійской территоріи.

Государыня по этому поводу мнѣ сказала однажды: «Ни за что въ мірѣ я не желаю покинуть страну, ибо мнѣ кажется, что уѣхать за-границу—значило бы порвать послѣднюю связь съ прошлымъ; мнѣ кажетея, что это прошлое умерло бы безвозвратно».

Понедѣльникъ 18 марта.—Царская Семья будетъ, по обыкновенію, говѣть въ эту недѣлю Великаго Поста. Службы происходятъ утромъ и вечеромъ. Такъ какъ пѣвчіе очень заняты и не могутъ приходить, то Государыня и Великія Княжны поютъ съ діакономъ.

Вторникъ 19 марта.—Послѣ обѣда былъ разговоръ о Брестъ-Литовскомъ трактатѣ, который подписанъ. Государь высказался по этому поводу съ глубокой грустью. «Это такой позоръ для Россіи, это равно самоубійству. Я никогда не повѣрилъ бы, что императоръ Вильгельмъ и германское правительство способны унизиться до того, чтобы протянуть руку этимъ негодяямъ, которые предали свою страну. Но Я убѣжденъ, что счастья имъ это не принесетъ и не спасетъ ихъ отъ гибели». Когда князь Долгорукій, немного погодя, замѣтилъ, что газеты говорятъ о статьѣ договора, въ которой нѣмцы требуютъ, чтобы Императорская Семья была имъ выдана въ цѣлости и невредимости, Государь воскликнулъ: «Если это только не маневръ, чтобы опорочить Меня, то Мнѣ этимъ наносится оскорбленіе!» А Государыня прибавила вполголоса: «Послѣ того, что они причинили Государю, Я предпочитаю умереть въ Россіи, чѣмъ быть спасенной нѣмцами».

Пятница 22 марта.—Послѣ вечерней службы, которая закончилась къ 9 1/4 часамъ, всѣ исповѣдывались—дѣти, прислуги, свита и, наконецъ, Ихъ Величества.

Суббота 23 марта.—Сегодня утромъ, въ 7 1/2 часовъ, были въ церкви, Причащались.

ПРИБЫТІЕ БОЛЬШЕВИКОВЪ.

Вторникъ 26 марта.—Отрядъ изъ болѣе сотни красногвардейцевъ прибылъ изъ Омска; это первые большевистскіе солдаты, которые вступаютъ въ тобольскій гарнизонъ. Послѣдняя надежда на бѣгство у насъ отнята. Его Величество сказалъ мнѣ, однако, что есть основаніе думать, что между этими людьми много офицеровъ, которые записались простыми солдатами; онъ утверждаетъ также, не указывая источника, откуда ему это стало извѣстно, что триста офицеровъ сформировались въ Тюмени.

Вторникъ 9 апрѣля.—Большевистскій комиссаръ, прибывшій изъ Омска вмѣстѣ съ отрядомъ, потребовалъ, чтобы его впустили осмотрѣть домъ. Солдаты нашего караула отказали. Полковникъ Кобылинскій очень обезпокоенъ; онъ боится столкновенія. Мѣры предосторожности: патрули, усиленные наряды. Мы проводимъ очень неспокойную ночь.

Среда 10 апрѣля.—Общее собраніе всего нашего караула, на которомъ большевистскій комиссаръ предъявляетъ свои полномочія. Ему дано право разстрѣлять въ 24 часа и безъ суда всѣхъ, кто воспротивится его приказаніямъ. Его впускаютъ въ домъ.

Пятница 12 апрѣля.—Алексѣй Николаевичъ, натрудивъ вчера себѣ сильную боль въ паху, остался сегодня лежать въ постели. Всю эту зиму онъ себя такъ хорошо чувствовалъ! Только бы не было чего серьезнаго! Сегодня вернулся посылавшійся въ Москву солдатъ нашего отряда и вручилъ полковнику Кобылинскому бумагу отъ центральнаго исполнительнаго комитета съ приказаніемъ подвергнуть насъ еще болѣе суровому режиму. Генералъ Татищевъ, князь Долгорукій и графиня Гендрикова должны быть переведены въ нашъ домъ и содержаться также въ заключеніи. Далѣе увѣдомляется о прибытіи особаго комиссара съ чрезвычайными полномочіями, который приведетъ новое военное подкрѣпленіе.

Суббота 13 апрѣля.—Всѣ находившіеся въ домѣ Корнилова: графиня Гендрикова, m-lle Шнейдеръ, генералъ Татищевъ, князь Долгорукій и г. Джиббсъ*) переселились къ намъ. Только доктора Боткинъ и Деревенко оставлены на свободѣ. Боли Алексѣя Николаевича увеличились со вчерашняго дня.

Понедѣльникъ 15 апрѣля.—Алексѣй Николаевичъ очень страдалъ вчера и сегодня. У него одинъ изъ его большихъ припадковъ гемофиліи.

Вторникъ 16 апрѣля.—Полковникъ Кобылинскій, караульный офицеръ и нѣсколько солдатъ производили сегодня обыскъ въ домѣ. У Государя отобрали кинжалъ, который онъ носилъ при казачьей формѣ.

Понедѣльникъ 22 апрѣля.—Комиссаръ изъ Москвы прибылъ сегодня съ небольшимъ отрядомъ; его зовутъ Яковлевъ. Я былъ сегодня на вечернемъ чаѣ у Ихъ Величествъ. Всѣ въ волненіи и тревогѣ. Чувствуется съ прибытіемъ комиссара неопредѣленная, но явственная угроза.

Вторникъ 23 апрѣля.—Въ 11 часовъ явился комиссаръ Яковлевъ. Онъ осмотрѣлъ весь домъ, затѣмъ пошелъ къ Государю, съ которымъ прослѣдовалъ къ Алексѣю Николаевичу, продолжающему лежать въ постели. Не имѣя возможности видѣть Государыню, которая не была готова, онъ вернулся позже со своимъ помощникомъ и вторично посѣтилъ съ нимъ Алексѣя Николаевича. (Онъ хотѣлъ, чтобы его товарищъ тоже удостовѣрился въ болѣзни дитяти).

*) Мой англійскій коллега г. Джиббсъ присоединился къ намъ въ Тобольскѣ въ теченіе Сентября.

Выходя, онъ освѣдомился у коменданта, много ли у насъ багажу и не ждетъ ли насъ отъѣздъ куда-нибудь?

Среда 24 апрѣля.—Мы всѣ въ страшной тревогѣ. Мы чувствуемъ себя забытыми всѣмъ свѣтомъ, предоставленными самимъ себѣ, покинутыми на полный произволъ этого человѣка. Возможно ли, чтобы никто не сдѣлалъ малѣйшей попытки спасти Семью? Гдѣ же тѣ, кто остались вѣрными Государю? Почему они медлятъ?

ИМПЕРАТОРА УВОЗЯТЪ.

Четвергъ, 25 апрѣля.—Къ 3 часамъ, проходя по корридору, я встрѣтилъ двухъ слугъ, которые плакали. Они разсказали, что Яковлевъ приходилъ объявить Государю, что его увезутъ. Что же происходитъ? Я не осмѣлился подняться безъ зова и вернулся къ себѣ. Минуту спустя, Татіана Николаевна постучала ко мнѣ въ дверь. Она въ слезахъ и сказала мнѣ, что Ея Величество проситъ меня къ себѣ. Я послѣдовалъ за ней. Государыня одна, очень взволнована. Она подтверждаетъ, что Яковлевъ присланъ изъ Москвы, чтобы увезти Государя, и что отъѣздъ состоится сегодня ночью. «Онъ увѣряетъ, сказала она, что Государю не будетъ причинено никакого зла, и что если кто пожелаетъ его сопровождать, этому не будетъ поставлено препятствій. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотятъ разлучить съ семьей. какъ тогда*)... Они хотятъ вызвать его на что нибудь плохое, заставляя его опасаться за жизнь своихъ... Государь имъ необходимъ; они прекрасно понимаютъ, что онъ одинъ представляетъ Россію... Вдвоемъ мы будемъ тверже противостоять и я должна быть рядомъ съ нимъ въ этомъ испытаніи. Но крошка еще такъ боленъ.. Если вдругъ случится осложненіе.. Боже мой, какая тяжкая мука!.. Впервые въ жизни я не знаю, какъ должна я поступить; во всѣхъ случаяхъ вдохновеніе подсказывало мнѣ, какое рѣшеніе принять, а сейчасъ я не чувствую ничего. Господь не допуститъ этого отъѣзда, онъ не можетъ, онъ не долженъ случится. Я убѣждена, что въ эту ночь движется ледоходъ»**)...

Въ этотъ моментъ заговорила Татіана Николаевна: «Но, мама, если все же папѣ придется уѣхать, надо рѣшится на что-нибудь..» Я поддержалъ Татіану Николаевну, указавши, что Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя лучше, и что мы будемъ окружать его самымъ заботливымъ вниманіемъ.. Ея Величество, видимо, терзалась всѣми муками нерѣшительности; она ходила по комнатѣ, продолжала говорить, обращаясь больше къ себѣ самой, чѣмъ къ намъ. Наконецъ, она приблизилась ко мнѣ и сказала: «Да, такъ будетъ лучше: я отправлюсь съ Государемъ; я ввѣряю вамъ Алексѣя.

Черезъ минуту вошелъ Государь; она бросилась къ нему навстрѣчу со словами: «Рѣшено; я поѣду съ тобой, и Марія будетъ насъ сопровождать». Государь отвѣтилъ: «Хорошо, если ты этого желаешь».

Я спустился къ себѣ. Весь день прошелъ въ приготовленіяхъ. Князь Долгорукій и докторъ Боткинъ будутъ сопровождать Ихъ Величества, а также Чемадуровъ (камергинеръ Государя), Анна Демидова (камеристка Государыни) и Седневъ (выѣздной лакей Великихъ Княженъ). Было рѣшено, что восемь офицеровъ и солдатъ нашего караула поѣдутъ съ ними.

Царская Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексѣя Николаевича.

Вечеромъ въ 10 часовъ мы поднимаемся къ чаю. Государыня сидитъ на диванѣ съ двумя дочерьми. Лица у нихъ покраснѣли отъ обильныхъ слезъ. Каждый изъ насъ скрываетъ свою боль и старается казаться спокойнымъ. Мы

*) Государыня намекала на моментъ отреченія Государя.

**) Во время ледохода рѣка на нѣсколько дней становится непереходимой; необходимо ждать возстановленія парома.

понимаемъ, что если одинъ не выдержитъ, то увлечетъ за собой остальныхъ. Государь и Государыня серьезны и задумчивы. Чувствуется, что они готовы на всякую жертву, въ томъ числѣ разстаться съ жизнью, если Господь потребуетъ этого въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, для блага страны. Никогда они не проявляли по отношенію къ намъ столько доброты и заботливости.

Ихъ великая безмятежность, ихъ чудесная вѣра, сообщается намъ.

Въ 11 часовъ слуги собираются въ большомъ залѣ. Ихъ Величества и Марія Николаевна прощаются съ нами. Государь обнимаетъ мужчинъ, Государыня женщинъ. Почти всѣ плачутъ. Ихъ Величества удаляются. Мы всѣ спускаемся въ мою комнату. Въ 3 часа во дворъ въѣзжаютъ повозки; это отвратительные тарантасы. Лишь одинъ снабженъ верхомъ. Мы находимъ на заднемъ дворѣ немного соломы, которой устилаемъ дно тарантасовъ. Въ повозку, предназначенную для императрицы, мы кладемъ матрацъ. Въ 4 часа мы поднимаемся къ Ихъ Величествамъ, которые въ эту минуту выходятъ отъ Алексѣя Николаевича. Государь, Государыня и Марія Николаевна прощаются съ нами; Государыня и Великія Княжны плачутъ, Государь на видъ спокоенъ и находитъ для каждаго изъ насъ слово одобренія; онъ обнимаетъ насъ; Государыня,прощаясь, проситъ меня не спускаться внизъ, а остаться съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Я направляюсь къ дитяти, который плачетъ въ своей постели. Нѣсколько минутъ спустя, мы слышимъ стукъ колесъ. Великія Княжны, выдая, проходятъ мимо двери брата...

Суббота 27 апрѣля.—Кучеръ везшій Государыню до первой подставы принесъ записку отъ Маріи Николаевны: дороги изрыты, условія путешествія мучительныя. Какъ переноситъ Государыня путь? Какая тревога за всѣхъ ихъ!

Воскресенье 28 апрѣля.—Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, сообщающую, что всѣ прибыли въ Тюмень въ субботу вечеромъ въ 9 1/2 часовъ. Въ большомъ залѣ установили походную церковь, священникъ можетъ служить обѣдню, такъ какъ теперь имѣется освященный алтарь. Вечеромъ пришла вторая телеграмма, посланная по отъѣздѣ изъ Тюмени: «Ѣдемъ въ хорошихъ условіяхъ. Какъ чувствуетъ себя крошка? Господь да будетъ съ вами».

Понедѣльникъ 29 апрѣля.—Дѣти получили изъ Тюмени письмо отъ Государыни. Путь былъ очень труденъ. Лошади въ водѣ по грудь при переправахъ. Колеса много разъ ломались.

Среда 1 мая.—Алексѣй Николаевичъ всталъ съ постели. Нагорный перенесъ его въ передвижное кресло; его вывозили гулять на солнце.

Четвергъ 2 мая.—Все нѣтъ извѣстій съ ихъ отъѣзда изъ Тюмени. Гдѣ они? Они могли прибыть въ Москву еще во вторникъ!

Пятница 3 мая.—Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму о томъ, что они были задержаны въ Екатеринбургѣ. Что произошло?

Суббота 4 мая.—Печальный канунъ Пасхи. Настроеніе подавленное.

Воскресенье 5 мая.—Свѣтлое Воскресеніе. Вѣстей попрежнему никакихъ.

Вторникъ 7 мая.—Дѣти наконецъ получили письмо изъ Екатеринбурга, извѣщающее, что всѣ здоровы, но не объясняющее, почему задержались въ этомъ городѣ. Сколько тревоги чувствуется между строкъ!

Среда 8 мая.—Офицеры и солдаты нашего караула, сопровождавшіе Ихъ Величества, вернулись изъ Екатеринбурга. Они разсказываютъ, что съ прибытіемъ въ Екатеринбургъ поѣздъ Государя былъ окруженъ красногвардейцами, Ихъ Величества и Марія Николаевна заключены въ домѣ Ипатьева, а князь Долгорукій въ тюрьмѣ, и сами они были отпущены лишь послѣ двухъ дней ареста.

Суббота 11 мая.—Полковникъ Кобылинскій удаленъ. Мы теперь подчинены Тобольскому совѣту.

Пятница 17 мая.—Солдаты нашего караула замѣнены красногвардейцами, присланными изъ Екатеринбурга съ комиссаромъ Родіоновымъ, который пріѣхалъ за нами. Мнѣніе генерала Татищева и мое, что намъ слѣдуетъ какъ только можно задержать нашъ отъѣздъ, но Великія Княжны такъ горятъ нетерпѣніемъ увидѣть своихъ родителей, что мы не имѣемъ нравственнаго права идти противъ ихъ страстнаго желанія.

Суббота 18 мая.—Вечерня. Священникъ и монахини были раздѣты и обысканы по приказанію комиссара.

Воскресенье 19 мая (6 мая ст. ст.).—Тезоименитство Государя... Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Комиссаръ отказалъ въ разрѣшеніи придти священнику; Великимъ Княжнамъ онъ запретилъ запирать ихъ дверь ночью.

Понедѣльникъ 20 мая.— Въ 11 1/2 часовъ мы покидаемъ домъ и садимся на тотъ же пароходъ «Русь», который восемь мѣсяцевъ назадъ привезъ насъ сюда съ Ихъ Величествами. Баронесса Буксгевденъ, получившая разрѣшеніе отправиться съ нами, присоединилась къ намъ. Мы покидаемъ Тобольскъ въ 5 часовъ. Комиссаръ Родіоновъ запираетъ Алексѣя Николаевича съ Нагорнымъ въ каютѣ. Мы протестуемъ: дитя нездорово, и докторъ долженъ имѣть возможность посѣщать его въ любой часъ.

Среда 22 мая.—Мы прибываемъ въ Тюмень и черезъ нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ отъѣзжаемъ въ Екатеринбургъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣдующія событія извѣстны: я изложилъ ихъ вначалѣ.

Екатеринбургъ для меня—разлученіе грубое и жестокое; для нихъ—послѣдній этапъ Ихъ крестнаго пути. Еще два мѣсяца страданій отдѣляютъ Ихъ отъ послѣдняго освобожденія.

Въ это время Германія стремится восторжествовать во что бы то ни стало и уже думаетъ, что достигла побѣды; и пока Вильгельмъ братается съ Ленинымъ его полчища снова наваливаются на Парижъ.

Посреди гигантскаго развала Россіи остаются только два пункта, гдѣ сопротивленіе продолжается; въ этомъ глубокомъ мракѣ лишь два огня указываютъ, гдѣ не остыло пламя вѣры.

Это, съ одной стороны, доблестная маленькая добровольческая армія генерала Алексѣева, которая борется отчаянно противъ совѣтскихъ полковъ, находящихся подъ командой нѣмецкихъ офицеровъ. И съ другой стороны, за деревянной оградой своего заключенія, Государь, который также даетъ свой послѣдній бой. Поддержанный Государыней онъ отвергаетъ всѣ нѣмецкія предложенія. У нихъ нечѣмъ больше жертвовать, кромѣ жизни; они готовы скорѣе отдать ее, чѣмъ договариваться съ тѣми, кто разрушилъ Ихъ отечество и похитилъ Его честь.

И смерть пришла; но даже ей противно разлучить тѣхъ, кто такъ тѣсно былъ связанъ въ жизни, и она взяла ихъ всѣхъ семерыхъ, объединенныхъ одной вѣрой и одной любовью.

Я чувствую, что событія говорятъ сами за себя; все что я могъ бы прибавить сейчасъ.—какъ бы сильно ни пробудилось во мнѣ волненіе мысленнымъ возвратомъ къ этимъ днямъ тревоги, пережитымъ часто отъ часа къ часу,—можетъ показаться лишь слабой литературщиной и неумѣстной сентиментальностью наряду съ захватывающимъ значеніемъ фактовъ.

Я считаю, однако, важнымъ высказать здѣсь слѣдующее убѣжденіе: невозможно, чтобы тѣ, о комъ я говорилъ, понапрасну приняли мученичество. Я не знаю какъ и когда это будетъ; но настанетъ несомнѣнно день, когда звѣрство какъ бы само истечетъ кровью въ чрезмѣрности своей, и человѣчество изъ воспоминанія объ этихъ ужасахъ почерпнетъ неодолимую мощь нравственнаго возрожденія.

Какъ сильно ни было бы негодованіе, стающееся въ сердцѣ, и какъ ни справедлива была бы месть,—было бы оскорбленіемъ Ихъ памяти желать искупленія кровью.

Государь и Государыня вѣрили, что умираютъ мучениками за свою страну; Они умерли мучениками за человѣчество. Своимъ истиннымъ величіемъ Они не столько обязаны обаянію императорскаго достоинства, сколько высокой человѣчности, до которой Они постепенно возвысились. Они сдѣлались олицетвореніемъ идеала,—не государями просто нѣкой страны, но волнующими образами чудесной ясности души, противъ которой никакое насиліе, никакая злоба не могутъ ничего и которая побѣждаетъ въ самой смерти.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

стр.

I Глава.—Екатеринбургское злодѣяніе — — — — 3

Предѣльный этапъ — — — — — — — —

Розыскъ — — — — — — — — 5

Оффиціальное слѣдствіе — — — — — — 6

Послѣдніе дни Романовыхъ — — — — — 7

Избіеніе — — — — — — — — 9

Похоронное сожженіе — — — — — — 11

Перенесеніе реликвій — — — — — — 14

Алапаевская трагедія — — — — — — —

Другія жертвы — — — — — — — 15

II Глава.—Государь и Царская Семья наканунѣ революціи - 16

Болѣзнь Цесаревича — — — — — — —

Появленіе Распутина — — — — — — 18

Для спасенія Династіи — — — — — — 20

Россія и война — — — — — — — 21

Кончина Распутина и революція— — — — — 24

III Глава.—Отреченіе отъ престола и царскосельское заточеніе 26

Первые безпорядки - — — — — — — —

Извѣстіе объ отреченіи — — — — — — 28

Возвращеніе Государя въ Царское Село — — — 29

Пять мѣсяцевъ заточенія — — — — — — 30

Огородъ въ паркѣ— — — — — — — 32

Отъѣздъ — — — — — — — — 33

IV Глава.—Ссылка въ Сибирь и тревожные дни въ Тобольскѣ 35

Устройство на новомъ мѣстѣ — — — — — —

Мирная семейная обстановка — — — — — 36

Политическое положеніе ухудшается — — — — 37

Большевизмъ проникаетъ въ нашу стражу — — — 38

Притѣсненія увеличиваются — — — — — 39

Строгій режимъ — — — — — — — 40

Прибытіе большевиковъ — — — — — — 42

Императора увозятъ — — — — — — 43

Заключеніе — — — — — — — 45

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СФИНКСЪ».

Типографія «ЗА РУБЕЖОМЪ».
Rue Coumbaradji, 84.